Б. ИВАНТЕР

СТРАНА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ОГИЗ — ДЕТГИЗ — 19[illegible]

Б. ИВАНТЕР

СТРАНА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ОГИЗ МОСКВА 1935

Для среднего и старшего возраста

Обложка, рисунки и оформление худ. М. Серегина и Н. Исаевой

Редактор Е. Солнцева
Тех. редактор Е. Гуркова

Сдано в набор 16/IV 1935 г. Подписано к печати 21/VII 1935 г. Детгиз № 342. Инд. Д-7. Уполномоченный Главлита № Б-3309. Формат 62×110 в $^{1}/_{16}$. $14^{1}/_{4}$ печ. л. (7,2 авт. л.) Тираж 30.000. Заказ 1355.

Отпечатано в 1-й Образцовой типографии треста „Полиграфкнига", Москва, Валовая, 28

Цена 2 р. 50 к., перепл. 75 к.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ГОД

ЧЕТЫРЕ РАЗВЕДКИ

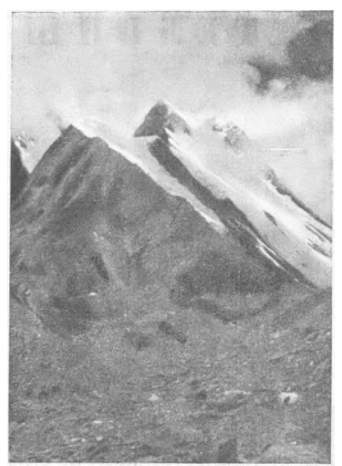

ЧЕТЫРЕ партии разведчиков пошли на разведку в четыре стороны. Им предстояли трудные и опасные дела. Отправляться приходилось в такие места, куда не ступала нога человека, не проходило колесо автомобиля, не залетали крылья аэроплана.

Одна партия разведчиков в шесть человек пошла в горы. Люди поставили себе цель взлезть на самую высокую гору в стране и установить там метеорологическую станцию. Из шести отборных, смелых и крепких людей только двое одолели подступы к вершине, где без баллонов с кислородом невозможно дышать. Это были: молодой „скальный мастер“ Аболаков и старый большевик Горбунов.

Вторая партия разведчиков направилась в пустыню. Они решили разведать дороги и испытать качество автомобилей. Девять тысяч километров взялись они пройти и пошли по таким дорогам, где никогда не ходили машины: сквозь безводную пустыню Кара-Кум. Они прошли, разведав все дороги, не потеряв ни одной машины.

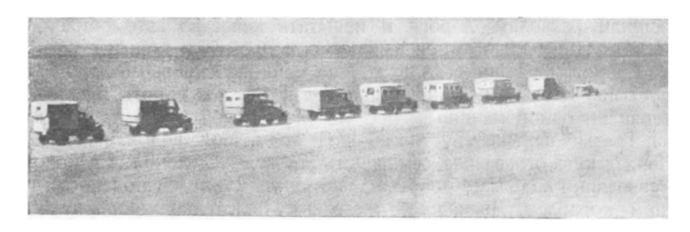
Третья партия спустилась под воду. Под водой, на дне Кандалакшского залива, семнадцать лет лежал ледокол „Садко“. Разведчики-водолазы прорыли двенадцать туннелей под погибшим кораблем. Двенадцать железных полотенец продернули они в туннели. Дважды лопались железные полотенца, подымая корабль со дна моря. Но команда водолазов сделала свое

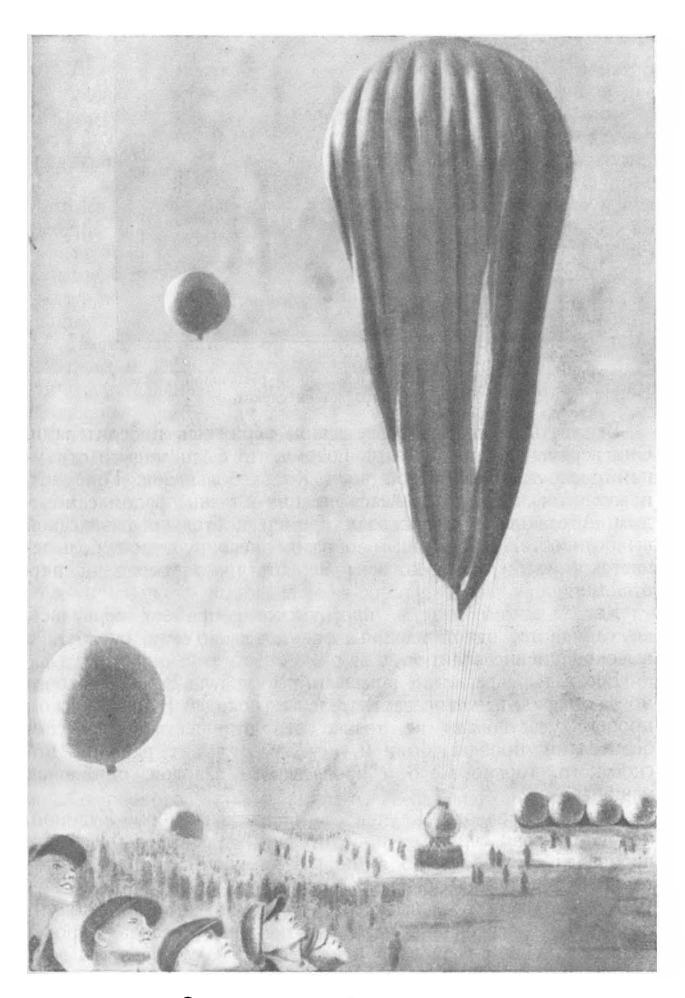
Пик Сталина, взятый разведчиками гор.

дело: ржавый, изъеденный морской водой ледокол всплыл на поверхность.

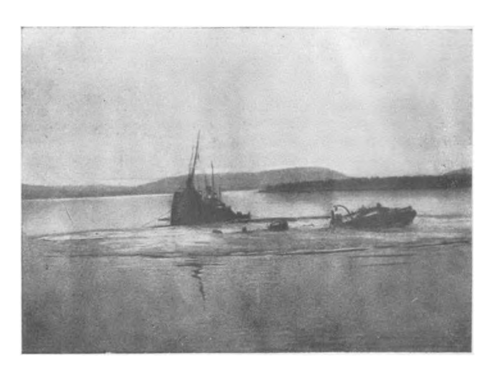
И, наконец, четвертая партия разведчиков — разведчики неба — поднялась на стратостате так высоко, как не поднимался до них ни один человек. С высоты девятнадцати километров они видели фиолетовое небо и землю далеко внизу. Они отметили на особых таблицах цвет неба, взяли пробы воздуха аппаратами, которые были снаружи гондолы, произвели все нужные измерения и опустились на землю.

Разведчики дальних дорог в пустыне Кара-Кум.

Разведчики неба отрываются от земли.

Со дна моря поднимают изъеденный ржавчиной „Садко".
На фотографии он справа.

Все четыре партии разведчиков вернулись победителями. Они вернулись победителями потому, что были людьми огромной смелости и железной воли. Когда большевик Горбунов, пожилой человек, поднимался на пик Сталина рядом с молодым Аболаковым, он показал пример не только физической выносливости, но главным образом несокрушимой большевистской выдержки, которая не отступает перед препятствиями.

Когда автомобилисты каракумского пробега вернулись, не сломав ни одной машины, они показали силу, смелость и высокое умение водителей.

Все четыре разведки показали, как могуча страна, которая могла снарядить такие замечательные походы. В каракумском пробеге участвовали не только сто путешественников; победителями пробега были и несколько тысяч рабочих московского, горьковского и ярославского заводов, строивших машины.

А рабочие завода „Каучук", во главе с инженером Кузиной, могут по праву считаться победителями стратосферы. Это они произвели самую легкую в мире баллонную материю, из которой была сделана оболочка стратостата.

Все эти замечательные дела — полет стратостата, каракумский пробег, спасение „Садко", взятие пика Сталина — происходили в первом году второй пятилетки. В начале этого года вся страна готовилась к семнадцатому съезду большевистской партии.

ВСТРЕЧАЮТСЯ СТАРЫЕ ТОВАРИЩИ

Делегаты съезжались со всех девяти московских вокзалов в кремлевский дворец. Прежде это был самый большой дворец русского царя. Для съезда большевиков он оказался мал. Его пришлось переделать и перестроить. К съезду его зал свободно вмещал всех 1 200 делегатов и еще 800 гостей.

А ведь было время, когда весь съезд партии мог поместиться в одной комнате; теперь в партии больше двух миллионов человек. Каждого делегата, приехавшего на съезд, выбрали полторы тысячи членов партии. Полторы тысячи членов партии стояло за каждым делегатом. Они доверяли ему обсуждать и решать важнейшие партийные дела. На съезд выбирали самых крепких, самых стойких и боевых большевиков.

На съезде встречались старые друзья, товарищи по тюрьмам, по царскому подполью. На многих из них есть отметины, оставленные белогвардейскими пулями или казацкими шашками.

Делегаты вспоминают прежние съезды, до революции. Тогда большевикам не так-то просто было собираться. Съезды бывали большей частью за границей. Нужно было ухитриться поехать за границу и снова вернуться, да так, чтобы не заметила полиция. Подчас под пулями часовых переходили границу делегаты.

Делегат второго съезда партии рабочий Бабушкин, отправляясь на съезд, выкрасил себе бороду, чтобы изменить лицо. Он благополучно переехал границу и тут только заметил, что борода у него стала малиновая. Хорошо, что она покраснела уже за границей и можно было ее просто сбрить. А представьте себе, что это случилось бы еще в России, — для Бабушкина это кончилось бы наверняка несколькими годами тюрьмы.

ПОДПОЛЬНЫЕ СЪЕЗДЫ

От первого до семнадцатого съезда партии прошло тридцать шесть лет. Первый съезд происходил в маленьком деревянном домике на глухой улице в городе Минске. Весь съезд заседал в одной комнате. Делегатов было всего девять человек. Они заседали с опаской, приходили туда с разных сторон, в разное время, каждый раз новой дорогой.

Один из делегатов был часовым. Перед заседанием он внимательно осматривал улицу около дома, иногда он выбегал и во время заседания, чтобы посмотреть, нет ли шпиков около дома.

СЛЕТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Семнадцатый съезд партии собрался в Кремле. К его открытию готовилась несколько месяцев вся страна. В подарок съезду железнодорожники досрочно ремонтировали паровозы, колхозники до срока сдавали хлебозаготовки. Школьники заменяли „неуды" сплошными „хорами" и „отлично". В подарок съезду ярославский завод выпустил первый стоместный автобус.

Вся страна пришла к съезду с победами. Впереди неслись автомобили каракумского пробега, шли ударники Днепростроя, Уралмаша, Академии наук, Красной армии, и, не отставая, поспевали школьники всех классов с „хорами" и „очхорами" на своих знаменах.

На съезд приехали испытанные в боях руководители партийных организаций, директора заводов, рабочие-ударники, начальники политотделов МТС и передовые колхозники, командиры и бойцы Красной армии. Каждый из них привез победу с своего боевого участка.

В шуме знамен, в грохоте приветствий с четырех стран света открылся семнадцатый съезд большевиков, великий съезд победителей, и на трибуну вышел Сталин.

СТАЛИН НА ТРИБУНЕ

Когда он вышел, поднялась такая буря, которую никакой голос не мог бы перекрыть. Съезд встречал товарища Сталина стоя. Казалось, что в зале не две тысячи, а все два миллиона людей.

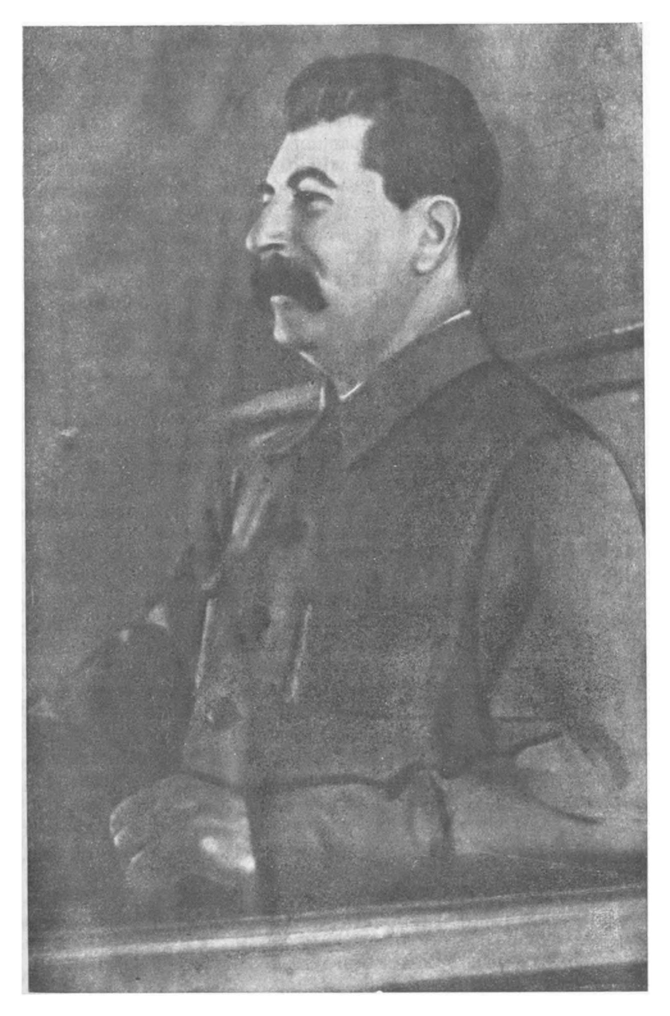
Сталин долго не мог начать говорить. Буря затихала и снова подымалась. Делегаты кричали: „Да здравствует Сталин!", и опять раздавался такой гром, будто каждый аплодировал в три тысячи рук.

Стоя, встречали Сталина старые друзья, которые знали его молодым, когда он еще не носил имени Сталин и звали его просто Сосо, уменьшительным от Иосиф.

Сосо Джугашвили никогда не говорил попусту, а всегда коротко, ясно и точно. Слова его не расходились с делом. Уже в то время он был организатором кавказских большевиков.

Его хорошо знали тифлисские рабочие. Они называли его „наш Сосо", так, как теперь рабочие всего мира называют его „наш Сталин".

Сталин — это партийное имя. Для такого человека трудно было бы найти более подходящее.

Иосиф Виссарионович Сталин на трибуне семнадцатого съезда.

СКВОЗЬ СТРОЙ

Двадцать семь лет тому назад Сталин сидел в Баиловской тюрьме в городе Баку. В первый день пасхи рота Сальянского полка избивала всех политических заключенных — их пропускали сквозь строй. Это страшное наказание осталось в некоторых тюрьмах со времен Николая I. Человека проводили между двух рядов солдат, и каждый солдат бил заключенного, пока его тащили между рядов. В роте было двести солдат. Многих заключенных замертво уносили с середины пути.

Сталин вынес это истязание с исключительным мужеством. Он показал своим товарищам пример величайшего презрения к царским тюремщикам. Не опуская головы, с книжкой в руках, он проходил сквозь строй, не обращая внимания на удары.

Таков был Сталин двадцать пять лет тому назад. Таким же стальным и непреклонным он остался, только виски посеребрились.

ГДЕ СТАЛИН, ТАМ ПОБЕДА

В гражданскую войну Центральный комитет посылал Сталина с одного фронта на другой. Сталин был всегда там, где была самая большая опасность для республики.

В 1918 году красновские казачьи части наступали на Царицын. Они окружили красные войска с трех сторон, подковой, пытаясь сбросить Красную армию в Волгу. С каждым днем эта подкова сжималась все тесней. У красных войск не было пути для отступления: сзади была река. Красными войсками командовал Сталин. Он и не думал о пути назад. У него была только одна мысль — победить во что бы то ни стало.

Это были очень опасные для революции дни. Сталин не спал целыми сутками, но был спокоен и хладнокровен, как всегда. Он собрал все силы для решительного удара, и белые войска, наступавшие под командой опытных генералов, были разбиты. Казаки были отброшены далеко к Дону.

Так было всюду, где появлялся Сталин. Он был лучшим учеником Ленина. Когда Ленин умер, Сталин, который всегда боролся под его знаменем в первых рядах, принял это знамя, чтобы понести его вперед.

Стоя, приветствовал съезд своего вождя, который привел партию к победам. А когда, наконец, затихла буря, которую подняли две тысячи людей, наступила такая тишина, что слышен был каждый нечаянный шорох. Сталин начал свою речь — отчет Центрального комитета партии.

ШКОЛА БОЛЬШЕВИСТСКОГО ДЕЛА

Голос Сталина громко звучал по всему огромному залу. Речь его дословно записывали стенографистки. Ночью стенограммы попадали в типографию. Пока большие ротационные машины „Правды“ печатали, тысячу за тысячей, миллионы экземпляров газет, летчик Водопьянов на самолете отвозил матрицы газеты в Ленинград. Утром, только на час позже москвичей, читали речь Сталина ленинградцы.

Все читатели тридцати шести миллионов экземпляров советских газет читали доклад Сталина. Все десятки миллионов радиослушателей прослушали его по радио. А тем, кто не читает газет, и тем, кто не слушает радио, рассказали содержание речи тысячи партийных агитаторов и пропагандистов.

С высокой трибуны партсъезда речь Сталина была слышна по всему земному шару. Она печаталась всеми коммунистическими газетами мира и подпольными листовками компартии. Даже буржуазные газеты не могли скрыть от своих читателей доклад Сталина. Многие из газет перепечатали его целиком.

Радист Кренкель на пароходе „Челюскин“ в ледяном дрейфе слово за словом ловил в эфире Арктики этот доклад. Он был не менее нужен большевикам на льдине, чем большевикам на твердой земле.

Сталинская речь была для всего съезда и для всей страны высшей школой большевистского дела.

Сталин рассказал о том, как боролась партия за машины и за хлеб, за железные дороги, хорошие школы, за крепкие колхозы и за мощную Красную армию. Он говорил о том, как партия добилась того, что из отсталой земледельческой России выросла сильная промышленная страна — Советский союз. Он рассказывал о том, как готовят войну капиталисты и как Советский союз борется за мир.

В наше время, говорил Сталин, не принято считаться со слабыми — считаются только с сильными. На что мы рассчитывали, когда боролись за мир?

На силу нашей страны, на наши фабрики и заводы.

На поддержку рабочих всего мира, которым не нужна война.

На то, что не все страны по тем или иным причинам заинтересованы в войне. Некоторые непрочь поторговать с СССР.

И, наконец, когда мы боролись за мир, мы рассчитывали на нашу славную Красную армию, которая даст отпор любому врагу.

ПРАВДА

ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД т. СТАЛИНА XVII-ому с'езду партии о работе ЦК ВКП(б).

I.

Продолжающийся кризис мирового капитализма и внешнее положение Советского Союза.

1. Движение экономического кризиса в капиталистических странах

2. Обострение политического положения в капиталистических странах

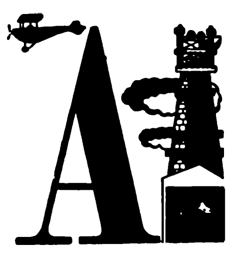
У нас теперь неплохие отношения со многими странами. Даже с Японией мы все время стараемся улучшить отношения, хотя японская военщина все время готовится к войне с нашей страной.

Войны мы начинать не будем, но в случае нужды мы сумеем ответить ударом на удар.

„А те, которые попытаются напасть на нашу страну,—получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород" — так сказал товарищ Сталин.

РАПОРТ ВЕЛИКАНОВ

РОССИЙСКИЙ ПУСТЫРЬ

НА советском огороде в это время бешено работали: копали, рубили, сажали, корчевали, строили. Огород большой — от Белого моря до Черного, от Финского залива до Тихого океана.

Большая страна нам досталась в наследство после царя и помещиков. Целый год надо по ней ходить пешком, чтобы дойти от края до края, или двенадцать дней мчаться самым скорым поездом — сибирским экспрессом. Страна досталась большая, но очень неустроенная. Русские помещики были плохими хозяевами. Протекала по стране большая и глубокая река Днепр, впадала в Черное море, а пароходы к морю пройти не могли из-за порогов. Ученые исписали и исчертили на проекты девятьсот пудов бумаги: они доказывали царскому правительству, что Днепр можно сделать судоходным, стоит только перегородить его плотиной.

Доказательства были сильные, но приднепровские помещики, узнав, что поднятый плотиной Днепр зальет их поля, безо всякой науки доказали правительству, что плотину строить не нужно. Царские министры согласились с помещиками, и пропали даром и труды ученых и девятьсот пудов бумаги.

На Урале было не лучше. Это чудесный край. В лесистых горах его лежат сказочные богатства, драгоценные камни — изумруды, рубины, аметисты, турмалин, — затем металлы —

золото, медь — и самый дорогой уральский клад — огромные залежи железной руды.

Добывать ее на Урале легче, чем в других местах. Руда сплошь и рядом выходит на поверхность — только копай. Урал должен был бы давать самое дешевое железо и чугун, а давал самое дорогое. Его хищные, жадные хозяева не могли найти каменного угля для выплавки чугуна и стали. Они безжалостно истребляли замечательные леса и плавили руду на древесном угле. А выход был: надо было соединить уральскую руду и сибирский уголь. Но это требовало много сил и средств, а прибыль появилась бы не сразу. Капиталисты на это не пошли. Они охотно брались только за такие дела, которые тут же, в короткий срок, могли дать им большую прибыль.

Богатейший Урал давал стране только чугунные сковородки, медные кресты да еще медные пятаки. Так говорили потому, что орудий и машин Урал давал очень мало.

Во всем мире не строили железные дороги так глупо, как в России. Обычно железные дороги соединяют города. В России ухитрялись даже большие города оставлять за пять-шесть верст от станции.

Как только ни называли старую Россию: дикая, отсталая, темная, неумытая. За границей ходили слухи, будто по улицам российских городов гуляют медведи. Да оно почти так и было. Медведи не заходили, а волки забегали на окраинные улицы дальних городишек.

ИМЯ ЛЕНИНА

Закроем на минуту глаза и представим себе всю Россию, какой она была пятнадцать лет назад. Зима девятнадцатого года. Огромная плоская равнина, на ней деревушки, занесенные снегом, темные деревушки — керосина нет.

Холодный ветер несется от города к городу. И в городах темно — нет электричества. Улицы без трамваев, заколоченные магазины с выбитыми витринами, ветер свищет в пустых и темных заводских цехах.

Люди мерзнут и ежатся. Рваные полушубки, тряпье, старые платки — вся одежда. Хлеба выдают по осьмушке, по пятидесяти граммов в день, люди едят мерзлую, черную от гнили картошку.

На эту голодную и нищую страну со всех сторон наступают войска четырнадцати государств. На севере, на юге, на западе и на востоке – везде фронты. На фронтах против

белогвардейцев и против всех иностранных армий, посланных им в помощь, бьются голодные, оборванные красные войска.

Они бьются со словами Ленина на своих знаменах.

Ленин в Москве, но имя его на всех фронтах. Оно проникает в неприятельский тыл — там собираются партизанские отряды, там готовятся рабочие восстания, за дело Ленина, за мировую революцию погибают коммунисты в белых контрразведках.

Ленин работал день и ночь. Он чувствовал всю страну на своих плечах. К Ленину шли телеграммы с фронта, к Ленину шли вести обо всем, что делалось в стране. Он успевал решать сложные военные задачи и думать не только о школах, о больницах, о хлебе для фронтов и для тыла, но и о великой задаче электрификации страны.

„Электрификация, — писал Ленин еще до революции, — всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных, отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы „домашних рабынь“ от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне“.

Когда еще тлели каганцы и лучины в деревенских избах, когда не горели фонари на улицах Москвы, Ленин видел нашу страну такой, какая она сейчас. Он видел Москву, залитую светом, он видел реки, запряженные в плотины, он видел десятки электростанций, связанные друг с другом единой электрической сетью. Тогда еще по его заданию двести лучших инженеров и техников составили план электрификации, который нужно было выполнить в десять лет.

Теперь в советской стране много замечательных и сильных электрических станций. Две из них — самая первая и самая большая — носят имя Ленина.

КРАСАВИЦА ШАТУРА

За сто девятнадцать километров от Москвы, недалеко от Муромских лесов, где когда-то, по преданьям, свистал Соловей-разбойник, лежат непролазные Шатурские болота. Уже и железная дорога шла мимо них, и Москва шумела не так уж далеко, а они оставались такими же, как сотни лет назад. Кроме охотников да рыболовов, туда никто не ездил. На сухих буграх среди болот гривой поднимались сосны — там были деревушки: Малькина Грива, Сокολья Грива, а то и

Шатурская электростанция. Здесь были болото и лес.

просто Чертовиха, Блохи... Других названий для них не было.

Туда осенью восемнадцатого года Ленин послал нескольких коммунистов: Радченко, Аллилуева, Афанасьева и близкого к партии инженера Винтера.

Там же, на болоте, и выросла первая советская электрическая станция.

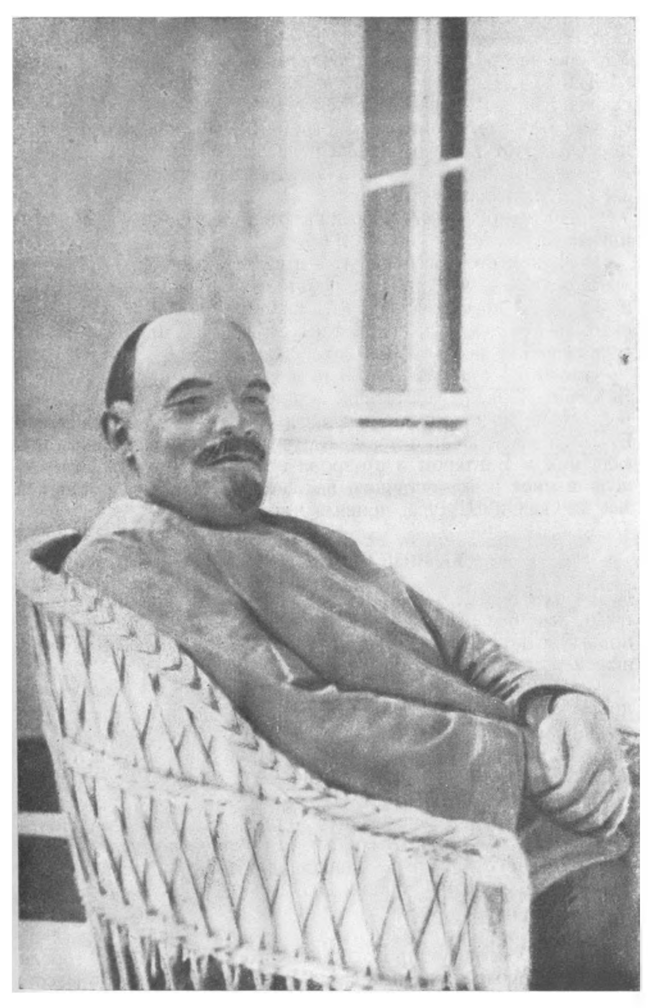
Зачем же на болоте, неужто сухого места для первой электростанции не нашлось?

Московские электростанции работали на привозном топливе, на нефти и угле. Нефть была на Кавказе, уголь — в Донбассе. Вместо того, чтобы топливо возить к станции, станцию поставили прямо на топливе. Топливом стало само болото.

Над болотом тучей стояло комарье. Люди по колено в воде копали полуосушенную торфяную почву — это было топливо для станции. Сама станция строилась тут же неподалеку. Строить было не из чего. Откуда-то умудрились достать кирпич, со старого корабля сняли котлы и как-то ухитрились их приспособить. Оборудование собирали по винтику, и вот так-то через год-полтора рязанские торфяники, приезжие питерские слесаря и здешние шатурские подручные соорудили мачты, подвесили провода и пустили первый ток в Москву.

Сейчас эту станцию не узнать. Тогда это было неуклюжее кирпичное строение с длинной железной трубой. По ночам она светилась, и рабочие по накаленной трубе находили дорогу к станции. Полуласково, полунасмешливо они называли эту станцию „Дунькиной фабрикой“.

— Пустили-таки „Дунькину фабрику“, — говорили они, когда станция пошла, — крутит, небось, колеса в Москве.

Владимир Ильич Ленин.

„Дунькина фабрика" действительно крутила колеса в Москве, не требуя ни угля, ни нефти. Для голодной и холодной Москвы это было немалое подспорье.

Теперь „Дунькину фабрику" не узнать, ее называют „красавица Шатура". Она стоит между трех озер, отражаясь всеми огнями в воде, стоит, как огромный восемнадцатитрубный корабль. Этот корабль никуда не плывет. Всю энергию своих восемнадцати котлов и шести электрических машин он посылает по проводам в Москву.

— Сколько везем? — спрашивают по телефону у дежурного инженера.

— Везем сто восемьдесят, — отвечает инженер.

Это значит, что станция работает на полную свою мощность — сто восемьдесят тысяч киловатт. Стоя между трех озер, за сто двадцать километров от Москвы, она дает энергию половине всех фабрик и заводов Москвы.

Вместе со станцией росли и люди вокруг нее. Ребятишки Чертових и Блох, работавшие подручными у питерских слесарей, стали техниками и инженерами Шатурской ГЭС имени В. И. Ленина, а строитель Шатуры инженер Винтер стал академиком Винтером и построил вслед за Шатурой величайшую в мире электростанцию на Днепре. Эта электростанция так же, как и Шатура, приняла имя Ленина.

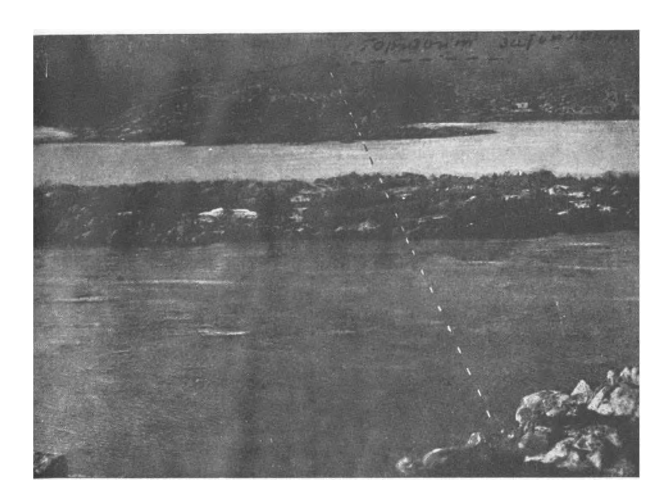
УКРОЩЕННЫЙ ДНЕПР

Только четыре-пять лет тому назад в пене и водяной пыли, как бешеный, скакал Днепр через пороги, те самые пороги, о которых девятьсот пудов бумаги исписали лучшие инженеры до революции.

Сколько воды с огромной силой каждый день протекало по руслу Днепра, не производя никакой работы, и кто посмел бы его запрячь! Для этого нужно было бы перегородить его в одном из самых бурных мест и поднять всю его воду на 37 метров. Какому великану было бы под силу поднять такую гору мчащейся воды?

И вот заставили, перегородили, поставили плотину почти в километр длиной, подняли всю мчащуюся воду на высоту десятиэтажного дома и весь водопад пропустили сквозь турбины электрической станции.

Около станции вырос большой город, поднялись большие заводы, куда пошел днепровский ток. Железные мачты на длинных ногах несут провода высокого напряжения от города Новое Запорожье, где находится станция, по всему Донбассу.

Днепр. Пунктир — это будущая плотина.

Теперь на месте пунктира плотина. Днепр не узнать.

Днепр помогает добывать уголь и плавить руду.

Лучшие ударники стройки, и такие, как академик Винтер, и такие, как плотник Гаркуша, который бесстрашно, вися над кипящей днепровской водой, забивал клинья в щели плотины, получили орден Ленина.

Когда Ленин делал доклад о плане электрификации делегатам восьмого съезда советов в 1920 году, он закончил его так: „Надо добиться того, чтобы каждая фабрика, каждая электрическая станция превратилась в очаг просвещения.

И если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии".

С тех пор прошло пятнадцать лет. Умер великий Ленин, выросла молодая наша страна.

Горят все электрические точки на ленинском плане электрификации. Появились даже такие, которых и в плане не было. Каждая электрическая точка, каждая электростанция наверняка означает: здесь жизнь бьет ключом! Если в пустыне выросла электростанция, значит там больше нет пустыни. Электростанция вырабатывает электрический ток, он не может даже дня лежать на складе, даже минуты, даже секунды: он сейчас же бежит по проводам, зажигает лампы, заставляет двигаться станки. Чем больше электростанция, тем больше фабрик и заводов вокруг нее.

„Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны", сказал Ленин. Новые гигантские электростанции на Волге и Ангаре будут еще больше Днепрогэса. Торфяные болота, угольные копи, горные реки, тающие снега, солнечное тепло, силы ветров и океанских приливов заставим мы давать нам энергию, чтобы стала жизнью ленинская мысль.

КОМАНДИР ДОМЕН И МАРТЕНОВ

Серго Орджоникидзе.

Семнадцатому партийному съезду с Урала от имени всех великанов страны салютовал отец великанов — Уралмаш — Уральский завод тяжелого машиностроения имени Орджоникидзе.

Серго Орджоникидзе — нарком тяжелой промышленности, командир великанов металлургии, главный начальник домен и мартенов, вождь всей тяжелой индустрии нашей страны.

Серго — это не имя Орджоникидзе. Его имя и отчество — Григорий Константинович. Серго — это подпольная партийная кличка, но до сих пор его все так зовут в память о боевых днях подполья.

Серго сорок восемь лет. Вместе со Сталиным он сидел в Кутаисской тюрьме. Потом его сослали в Сибирь, в деревню Потоскуй.

— Потоскуй,— сказали Серго царские жандармы. Но он не стал тосковать и убежал из ссылки сначала в Баку, а потом за границу, в Персию. В Персии он боролся на стороне революционеров против персидского шаха. Там Серго называли „Фидаи", что означает „обрекший себя на смертную борьбу". Из Персии Серго часто писал Ленину и вдруг, прервав надолго переписку, появился, улыбаясь, перед дверями ленинской квартиры в Париже.

После революции Серго на Кавказе. Во главе горского народа он отстаивал Владикавказ от белой армии. Этот город сейчас называется городом Орджоникидзе. После через Кавказский хребет, через занятую меньшевиками Грузию Серго пробрался в Баку и оттуда с несколькими товарищами отправился морем в Астрахань на туркменской рыбачьей лодке. Это было опасное предприятие. Редкий моряк решился бы пуститься в него. Тринадцать дней носило бесстрашных большевиков по бурному Каспию.

Серго – член Политбюро ЦК партии. Партия, как всегда, поручила ему одно из самых ответственных дел в стране: он руководит всей тяжелой промышленностью. И Днепрострой, и Уралмаш, и уголь, и нефть, и руда, и золото – все в его ведении. Это огромное хозяйство даже на карте трудно окинуть взглядом. Но Серго бывал почти везде и знает все заводы и рудники не хуже, чем их директора.

До поздней ночи заняты телефонные провода, которые ведут к наркому тяжелой промышленности.

В Москве два часа ночи, в Свердловске пять часов утра. Отделенный от какого-нибудь отстающего завода двумя поясами времени и двумя тысячами километров, командир тяжелой индустрии, знающий в лицо всех своих лучших бойцов, подтягивает тех, кто отстает.

ОТЕЦ ВЕЛИКАНОВ

Много гигантов есть в нашей стране, но таких, как Уралмаш,— ни одного. Уралмаш имени Серго Орджоникидзе – это первый наш завод, который может изготовлять целые заводы.

Он с одинаковой точностью сделает вал океанского парохода и маленькое колечко в полдюйма. Для того, чтобы увезти все, что он наработает за год, нужно тридцать пять тысяч сильных ЗИСовских грузовиков. Делает же Уралмаш такие

тяжелые вещи, под которыми любой грузовик треснет, как спичечная коробка. Их приходится перевозить на „крокодилах": так называются железнодорожные платформы большой грузоподъемности. Под нагруженным „крокодилом" рельсы прогибаются от тяжести.

Уралмаш можно назвать отцом заводов. Сыновья его — металлургические заводы — делают металл, а из металла производят все, от блюмингов до граммофонных иголок и посуды.

Сам Уралмаш тоже мог бы делать граммофонные иголки. Ему ничего не стоит делать маленькие вещи, но он производит только целые заводы. Когда Уралмашу закажут завод, он сдаст его весь целиком, от доменной печи до последнего винтика.

Станки для Уралмаша мы выписывали из-за границы. Но стоит нам построить один-два таких гиганта, и мы уже совсем не будем зависеть от заграницы, потому что они произведут для нас все машины, какие только нам будут нужны. Кстати сказать, мы второй такой завод уже построили — это Краматорский машиностроительный завод. Поэтому Уралмаш и Краммаш для нас чуть ли не самые важные заводы.

Когда Уралмаш строился, то начальник строительства Банников поехал в Америку заказать кое-какое оборудование и посоветоваться с американскими инженерами. Он приехал к инженеру Виллъямсу в Мильвокки и рассказал ему о своих планах. Вилльямс выслушал и сказал:

— Вы хотите в два-три года построить завод больше всех существующих в мире? Вы хотите затмить все звезды и еще просите у нас советов. Вы хотите, чтобы мы сами себе вырыли могилу?

Наши враги очень встревожились, когда мы начали строить Уралмаш. Они хотели совсем остановить или, по крайней мере, во что бы то ни стало задержать постройку. Они ухитрялись из Парижа и из Берлина мешать уральской стройке.

В КАФЕ НА ФРИДРИХШТРАССЕ

В Берлине на Фридрихштрассе, одной из люднейших улиц, в маленьком кафе назначали друг другу свидания люди, которых революция выгнала из России. Они успели захватить с собой часть своих богатств и всю ненависть, которая у них была против большевиков. Богатства их уменьшались, а ненависть росла. Они связались с врагами советской власти, которые остались в России. Враги, прикинувшись друзьями, успели занять очень важные места в нашей промышленности. Неко-

торым из них доверяли большие дела. Бывало, что они ездили за границу. Профессор Осадчий, один из вредителей, на суде рассказал, как он пришел к условленному месту, к будке, где продавались минеральные воды, на Фридрихштрассе. Там он встретил известного фабриканта Денисова. Они зашли в кафе и сели за столик в углу.

В этом кафе за чашкой кофе члены вредительской организации получали указания и деньги на вредительскую работу в Советском союзе, на подкупы и взятки.

В ШАПКЕ-НЕВИДИМКЕ

Вредителем Уралмаша был инженер Хренников, большой специалист. Он сидел на важном месте в Главметалле. К нему на рассмотрение поступали все проекты строительства Уралмаша. Когда Хренников получал проект, он оставлял его надолго у себя, будто бы для проверки, на самом же деле для того, чтобы задержать стройку. С его советами считались. Когда он говорил, что Уралмаш можно построить дешевле, заводу давали меньше денег. Дошло до того, что на стройке из-за отсутствия денег начали распродавать кирпич и цемент. Хренников мешал родиться отцу великанов.

Вредители выставили своим бойцом Хренникова. Но партия поставила на площадку Уралмаша своего бойца — Банникова.

Хренников прекрасно видел, куда надо ударить, чтобы было больней. А сам он был в шапке-невидимке. Ведь сначала никто не предполагал, что Хренников и есть тот враг, который мешает стройке. Но Банников, не видя лица противника, защищал стройку со всех сторон. И пока Хренников в Москве задерживал проект, Банников под свою ответственность начал строить первый цех и протелеграфировал в Москву: „Цех начат постройкой, никакие изменения больше невозможны".

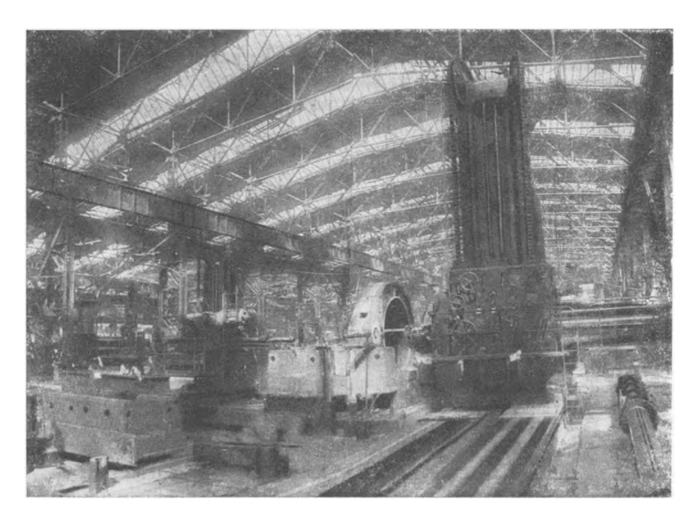
Банников победил! Победа ему досталась нелегко. Он тяжело заболел. Его мучили страшные головные боли. Он работал не переставая. Но ему не пришлось дожить до пуска завода. Он умер за год до этого.

Хренников же получил по заслугам от советского суда.

РУКИ УРАЛМАША

Теперь Уралмаш работает. Своими стальными ручищами он делает работу многих тысяч людей.

Кран цепями захватывает из огромной печи болванку в тысячу пудов и кладет ее под пресс. Она сопротивляется, извивается и все-таки принимает ту форму, которую дает ей пресс.

Расточный станок на Уралмаше.

Тысяча пудов — это шестнадцать тонн. Шестнадцать тонн — это пустяк для Уралмаша. Его громадные прессы обжимают болванки в сто пятьдесят тонн — девять тысяч пудов. Мостовые краны носят по цеху такие болванки, как игрушки, потому что мощность крана — двести пятьдесят тонн.

На планшайбе одного не из самых больших, а так, из средних, станков заседал президиум собрания рабочих механического цеха — пятьдесят шесть человек. Однако, на планшайбе оставалось еще много свободного места.

В этом же цехе стоит станок Вагнера. Во всем мире таких станков только семь. Шесть братьев этого станка работают у капиталистов: два в Америке, два обтачивают орудийные стволы на заводах Шкоды в Чехо-Словакии, один у Круппа в Германии и один у японцев.

Длина этого станка — тридцать семь метров. Инструменты для него нельзя донести руками: они слишком тяжелы. Их подают кранами. Станок свободно может зажать для обточки два паровоза и обточить их с точностью до микрона — одной тысячной миллиметра. Никакой глаз не сможет различить такую величину без микроскопа.

Огромная махина работает точнее часовщика.

Пушки Брозиуса. Они похожи на артиллерийские пушки.

ПУШКА БРОЗИУСА

С помощью станков мы научились делать вещи, которых никогда в старой России не делали. Одна из этих вещей — знаменитая пушка Брозиуса для доменных печей.

В доменной печи из руды и кокса варится металл. Когда он сварен и стал жидким, его надо выливать. Как его выльешь? Домну не повалишь набок — высока, как многоэтажный дом. Черпать через верх тоже не будешь — такие черпаки еще не выдуманы. Поэтому, чтобы вылить чугун, пробивают внизу домны отверстие — летку. Летка большой домны похожа на кратер вулкана. Из нее несется бурная река расплавленного металла. К нему нельзя подойти близко: от нестерпимого жара начинает тлеть одежда.

Но вот металл выпущен. Нужно закрыть домну. Для этого летка забивается огнеупорной глиной. На маленьких домнах это проделывали вручную, и это было очень опасно. Когда сырая глина прикасалась к раскаленному металлу, от него, как блестящие звезды, отскакивали брызги. Эти брызги смертельно обжигали людей. Рабочие слепли, когда брызги попадали им в глаза.

Так было на маленьких домнах. На больших и думать нечего забивать летку вручную. Тут работает леткозабивочная

машина, которую по имени изобретателя прозвали пушкой Брозиуса.

Эта пушка стреляет по летке домны сырыми глиняными ядрами. Она в полминуты замуровывает самую большую пышащую огнем и жидким металлом летку.

Пушкой управляют на расстоянии. Нет никакой надобности подходить близко к летке. Умелый поворот рычага, и ядра, толкаемые сжатым воздухом, летят точно в намеченную цель. Пушка не только может закрыть летку после выпуска металла,—она может в любую минуту остановить его. Она перерезает своими ядрами любую струю жидкого чугуна.

СЛУЧАЙ В МАГНИТОГОРСКЕ

Но управлять пушкой не так просто. Это довольно сложная машина, и не все мастера с ней справляются. В Магнитогорске старый мастер Усс предпочитал забивать летки вручную. Он возился по три часа и все-таки забивал плохо. Летка могла выскочить не во-время от напора металла. Один раз так и случилось. Летка выскочила, и жидкий чугун, заливая все вокруг, полился из домны.

Взволнованные люди, не знающие механизма, метались вокруг пушки, дергали рычаги. Пушка колотилась о стенки домны, а чугун, выливаясь, расплавлял и сжигал все на своем пути. Он залил весь двор. Три тысячи тонн чугуна погибли. Домна остановилась на трое суток.

Мастер Усс обвинил во всем пушку. Над пушкой устроили общественный суд. И суд установил, что виновата не пушка, а люди, которые не умели с ней обращаться. После суда магнитогорские доменщики научились обращаться с пушкой Брозиуса. Больше пушка Брозиуса промахов не давала.

До сих пор мы покупали эти пушки за границей и платили за них по двенадцати тысяч золотых рублей. Из пушки Брозиуса научились стрелять. Нужно было научиться ее делать.

Первым подарком Уралмаша стране были тридцать пушек Брозиуса, выстроившихся во дворе, как для артиллерийского салюта.

ЗА ЧТО БИЛИ СТАРУЮ РОССИЮ

Старая Россия была очень большой страной. По пространству больше, чем Советский союз. Под властью русского царя были еще Польша, Финляндия, Латвия, Эстония, Литва. И в этой большой стране, в Российской империи, не умели

делать ни автомобилей, ни тракторов, ни моторов, ни хорошей стали, ни оборудования для электростанций. Все это Россия закупала за границей.

Да и в самой России очень много больших заводов принадлежало иностранцам. Почти весь Донбасс был английский. Нынешняя столица Донбасса — Сталино — называлась раньше Юзовкой, по имени английского капиталиста Юза. Все городские железные дороги принадлежали бельгийцам. Вспомните названия крупнейших заводов в Петербурге и Москве: Гужон, Бромлей, Торнтон, Леснер. Все это фамилии иностранных капиталистов.

Россия была отсталой земледельческой страной.

— История старой России состояла, между прочим, в том,— говорил товарищ Сталин,— что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: „Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь!“ Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: „ты обильная“ — стало быть, можно на твой счет поживиться. Они били и приговаривали: „ты убогая, бессильная“ — стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уж закон эксплоататоров: бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать.

Так говорил товарищ Сталин.

Мы не хотели получать колотушки, как старая, отсталая Россия. Надо было перестроить советскую страну. Перерезать новыми железными дорогами, прорыть каналы, построить фабрики и заводы.

И мы это сделали.

Россия была на 60 процентов земледельческой и только на 40 процентов промышленной страной. Советский союз на 70 процентов — промышленная страна и только на 30 — земледельческая. Это вовсе не значит, что мы стали производить меньше хлеба. Нет, хлеба мы производим больше, чем старая Россия, но промышленных изделий еще больше.

Мы умеем делать все, чего не умели прежде делать в России. Мы делаем и самолеты, и автомобили, и моторы, и тракторы, и комбайны, и даже каучук.

Было бы очень долго перечислять все, что мы научились делать.

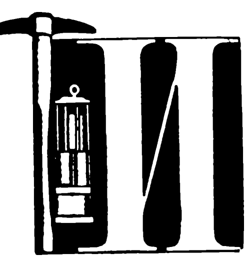
ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ЛЕТЧИК

Страну не узнать. Не то, что старые учителя географии, летчики с точными картами — и те путаются. Недавно над Сибирью заблудился один американский летчик. Он летел ночью. Летел над железной дорогой. Внизу огни поездов и станций. Посмотрел на карту — все правильно. Вдруг показались огни большого города. На карте такого нет, на карте тайга. Летчик пролетел еще немного. Опять город. Потом и линия кончилась. Ясно, что залетел не туда. Американец зверски ругал составителя нелепой карты. Между тем американские составители были совсем не виноваты. Виноваты были большевики. Летчик взял карту, изданную три года назад, а за три года все переменилось. От главной магистрали отвели новые пути. Выстроили новые города.

Нельзя летать над Союзом по старым картам: география переменилась.

СЛАВНЫЙ ЗАБОЙЩИК

УЧЕНИК ХРОМОГО ДЬЯЧКА

СТОРИЯ горловского забойщика Никиты Изотова — это рассказ об одном из тысяч ударников, строивших нашу страну.

У каждого из них своя интересная биография. А так как в одной книжке невозможно рассказать десять тысяч историй, то мы выбираем одну — историю Изотова, знаменитого ударника Донецкого бассейна.

Мальчишкой он был очень настойчивым. Жить было голодно, даже писать было не на чем: бумаги не было. Полуголодный Никита часто свою долю хлеба не ел, а выменивал ее на бумагу: хотел учиться. Только арифметики не выносил. Может быть, потому, что арифметике учил злобный хромоногий дьячок. Он был маленького роста, с облезлой головой, злыми глазами и ковылял, опираясь на остроконечную палку. С палкой ребята были хорошо знакомы.

Никита зимой часто пропускал занятия в школе: не было сапог. Как-то не ходил целую неделю. Потом воспользовался тем, что отец сидел дома, одел отцовы сапоги и прибежал в школу.

В школе он налетел прямо на хромого дьячка. Дьячок сразу вцепился ему в волосы и начал драть. Никита обозлился и плюнул ему в глаза. Хромоногий математик, бешеный от злости, втолкнул мальчишку в холодный погреб. Больше суток

Никита просидел в погребе. Только на следующий день пришла мать с пьяным отцом. Отец сам открыл погреб и вытащил оттуда Никиту за ухо.

Так и кончилось его ученье. Больше он в школу не вернулся. Отец отдал мальчишку кулаку в батраки. За долгую работу у кулака Никита получил полтинник жалованья, и тот отец пропил.

Потом Никита сбежал к буфетчику на пароход. Плавал на пароходе. Потом работал дворником.

С БЕРДАНКОЙ НА БЕЛЫХ

Никите было пятнадцать лет, когда произошла Февральская революция. На фабрике, где он к тому времени работал, говорили, что это не настоящая революция. Никита решил: когда начнется настоящая, он обязательно пойдет воевать за нее. Рабочие стали вооружаться. Пятнадцатилетний парнишка Изотов за две буханки хлеба выменял ржавую берданку и вступил в красногвардейский отряд.

В гражданскую войну Горловка много раз переходила из рук в руки. Никита работал на фабрике, когда в Горловке были красные. Когда наступали белые, он брал свою берданку и уходил с красными.

Но однажды он попался. Белые пришли, а он не успел вырваться к своим. Белые послали его и других рабочих восстанавливать прерванную телефонную связь. Рабочие линию восстановили, но делали с ней все, что хотели. Они включались в линию и подслушивали разговоры. Как услышат, что связываются друг с другом белогвардейцы, линию и перережут. Однажды Никита подслушал, как белый офицер из Константиновки передавал в Юзовку:

— Под Константиновкой идет бой. Пока еще держимся. Расстреляли, кого удалось поймать.

Изотов сразу разъединил линию и позвал товарищей послушать, как с константиновской стороны отчаянно ругался белогвардеец.

Потом Изотов опять дрался с белыми, пока не кончилась гражданская война.

„ХОЧУ РАБОТАТЬ В ЗАБОЕ!"

После гражданской войны Изотов работал в кочегарке, но его все время тянуло в шахту. Он никогда не бывал под землей, а кругом были все шахтеры, разговаривали о шахтерских

делах, пели шахтерские песни. Главное, в Горловке была шахта.

И все-таки лезть в шахту было страшновато. Работать под землей. Да и работа нелегкая. А мало ли несчастий с людьми было в угольных шахтах: и водой заливало, и углем заваливало, и взрывался газ. Но Изотова тянуло в шахту. Он пришел к инженеру Беликову и сказал:

— Хочу работать в забое. Давно хочу и навсегда. Переведите меня из кочегарки.

Инженер Беликов увидел, что парень крепкий, для забоя подходящий, и отправил его в шахту.

— Смотри, не засыпься,— сказали Изотову ребята из кочегарки.

— Ничего, не засыплюсь,— ответил Изотов и еще до спуска в шахту пошел с молодыми шахтерами за околицу петь шахтерские песни.

Получил Никита обушок и пошел с шахтерами к стволу. По сигналу в ствол шахты опускалась клеть. Стволовой крикнул: „Садись!“ У Никиты поджилки затряслись и ноги отяжелели, будто к ним привязали по пудовой гире.

Клеть со скрежетом и воем полетела вниз. У Никиты дух захватило, заложило уши, и он прижался к соседу. Сосед, старый шахтер, поднял лампу, посмотрел ему в лицо и сказал:

— С ветерком пустили, парень.

Клеть можно пустить просто, медленно, а можно пустить стремительно, чтобы она камнем падала вниз. Это называется „с ветерком“, и непривычному человеку от этого „ветерка“ не по себе.

УГОЛЬ НЕ ПОДДАЕТСЯ

Никита нашел свой девятый уступ и начал клевать обушком угольный пласт. Он замахивался обушком, опускал его на пласт, но уголь не поддавался. После удара оставалась только маленькая ямка — след от зубка. Никита бил с остервенением несколько часов, но угля не нарубал и устал смертельно. Добывать уголь оказалось не так просто.

Никита пришел домой, лег на кровать и лежал, как раздавленный. Рукой пошевельнуть не мог.

Так встретил Никиту донецкий уголь.

Старый шахтер Зубков первый пришел на помощь Никите. Он помог ему обтесать держак обушка по руке. Он советовал ему разглядеть строение пласта. Бороться с углем нужно не только силой, но и хитростью.

Изотов разглядел полоски, разделяющие слои пласта, и налег. С первого удара от пласта откололась груда угля. Он работал так, что на ладонях стерлась кожа и пошла кровь. Но теперь он не падал духом и за день нарубал „конька“— половину того, что дает средний шахтер.

Так шло недели три, пока техник, который приполз с соседнего уступа, не сказал ему:

— Изотов, ты сегодня должен вырубать полторы клети; это норма забойщика. Посиди подольше, но добейся этого.

Изотов пробыл в забое с шести часов утра до четырех часов вечера и вырубал полторы клети.

Через год Никита славился всюду, как хороший забойщик.

ПОД РОГОЖНЫМ ЗНАМЕНЕМ

В 1931 году работал Изотов в знаменитой горловской шахте № 1, шахте рогожного знамени, самой худшей шахте Донбасса. Инженеры в шахте не бывали: сидели наверху и писали бумажки. Никогда Изотов не видел главного инженера у себя на участке. Зато часто встречал его в поселке. Он гулял, закинув тросточку на плечо.

А внизу все шло вверх ногами. Портились врубовые машины и отбойные молотки. Вагонетки застревали на путях, задерживалось движение, замирала жизнь шахты.

Пользуясь бестолочью и беспорядком, кулаки и вредители делали свое дело. Вдруг на участке останавливались отбойные молотки, работавшие сжатым воздухом: кто-то закрывал вентили в шахте, и воздух не поступал на участки.

В шахтах есть свои подземные лошади. Эти лошади возят вагонетки и никогда не видят дневного света. Работают на них коногоны. В Горловке работал коногоном сбежавший от коллективизации кулак Баку. Он срывал свою злобу на лошади и дошел до того, что вырвал коню язык. Об этом долгое время в общем беспорядке никто не знал. В это тяжелое время Никита Изотов начал писать в свою газету. Вместе с другими ударниками он стал разоблачать лодырей и вредителей.

Когда Изотова принимали в партию, все рабочие выступали за него и несколько раз повторяли:

— Изотова надо принять в партию, у Изотова надо учиться работать.

На этом собрании Изотов обещал научить отстающих своему мастерству.

Сначала он обучал своих товарищей по участку, потом решил написать письмо в „Правду“.

КАКОГО РОСТА ИЗОТОВ

„Я вырубаю в четыре-пять раз больше угля, чем любой забойщик, — писал Изотов. — За день я добываю тысячу двести пудов угля. Я работаю только обушком, но товарищи в шутку называют меня „врубовой машиной“.

И пошли про Изотова легенды не только по Донецкому бассейну, а по всему Союзу Шли слухи, что есть действительно в Горловке великан Изотов, что в одном пальце у него столько силы, сколько у обыкновенного забойщика в целой руке.

Стал Изотов получать письма от шахтеров из далеких мест. Многие не верили тому, что он так работает. А те, которые верили, все-таки спрашивали, какого он роста. Может быть, в самом деле великан?

Потом в „Правде“ появилась заметка о том, что за 24 дня июня Изотов дал норму в две тысячи процентов. Один Изотов проделал работу двадцати человек.

Опять не поверили шахтеры. Из Криворожья получил Изотов просьбу:

„Просим подтвердить собственноручным письмом, — писали шахтеры, — так ли это в действительности? Если можно, то пришли нам свою фотографию для того, чтобы мы проверили, твой ли портрет помещен в „Правде“ от 8 июля.

Пишем мы потому, что наш рудник самый большой в Криворожье, а выполняет план только на 46—47 процентов“.

Никита Изотов в спецодежде шахтера.

Изотов отвечал на все письма.

„Никого и никогда не обманывала ленинская „Правда“, — отвечал Изотов. — Разве я один так работаю? В советской стране есть много тысяч ударников, которые решили догнать и перегнать заграничные достижения и доказывают это делом“.

Изотов послал свою карточку, и шахтеры убедились, что это он и есть. Человек обыкновенного вида.

И в самом деле, Изотов хотя и не маленького роста и широк в плечах, но не отличается этим от других шахтеров. Да и работает левой рукой. Он левша.

Рядом с ним работал забойщик Окунев. Здоровый, хоть сейчас борцом в цирк.

А на него нарисовали карикатуру: „Тяжелый атлет, не выполняющий плана“.

Был в шахте еще один великан — Давиденко. Но и у него сила на добыче не сказывалась.

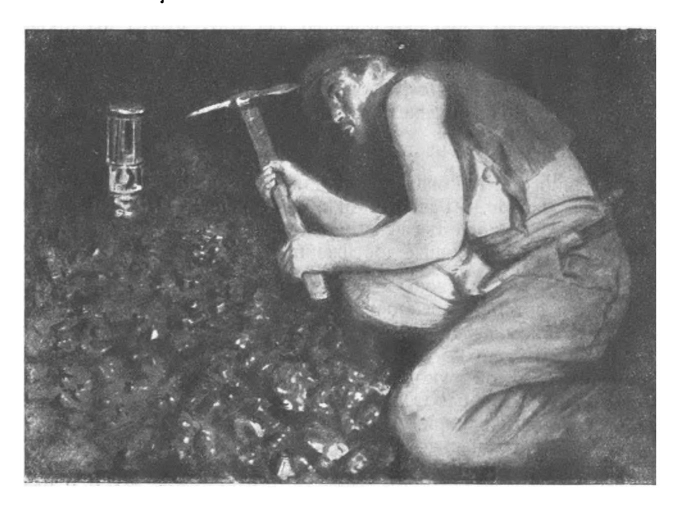

ШКОЛА ПОД ЗЕМЛЕЙ

Дело оказалось не в силе, а в сноровке. Надо уметь примениться к углю. Уголь идет струями, а иногда залегает прослойками. Если уголь идет струями, Изотов щель пробивает сверху и снизу. Пласт угля выпячивается, его легче бить. Если уголь идет прослойками, он находит самую мягкую зольную прослойку и бьет туда. Главное — куда ударить. Изотов знает уголь, как хороший охотник лес, как снайпер свою винтовку.

Под землей открылась изотовская школа. Это был особый участок, где Изотов обучал новичков. Лучшие комсомольцы пошли в изотовскую школу, и скоро участок новичков стал выполнять план вдвое. Обученные изотовцы шли в другие шахты, и там один за другим стали появляться новые Изотовы. Племя Изотовых завоевывало шахты. Лучшего ученика Никиты Изотова — Сашу Степаненко — к пятнадцатилетию комсомола наградили орденом Ленина.

Потом с обушка перешли изотовцы на отбойный молоток. С отбойным молотком вырубаешь вдвое больше. Приставил его к пласту, пустил, а он сам уж отбивает уголь ударами стального острия.

Шахтер с обушком. Это ручной забой.

Ребятам легче стало работать. Изучив молоток, они стали подпевать за работой. „Конная Буденного“ начиналась в одном из уступов, потом переходила из забоя в забой, и под грохот молотков разносилась боевая песня по всему участку. Не отступая, шли вперед, победно врубались в уголь комсомольцы-изотовцы.

НОВЫЕ ИЗОТОВЫ

Объявились свои Изотовы и в других угольных бассейнах Союза. Лучшим ударником Подмосковного бассейна оказался тоже Изотов, только не Никита, а Иван. Они совсем не братья и даже не родственники. Это просто случайно, что у них одна фамилия.

Не видя Никиты, Иван вызвал его на соревнование через „Правду“. А потом и сам приехал в Сталино на конференцию лучших ударников Донбасса. Посмотрели друг на друга Изотовы, пожали друг другу руки и посмеялись случаю, который дал им одну и ту же фамилию.

Потом объявился новый Изотов и в самой Горловке. Фамилия его была Кучер, а по профессии он был поваром.

Это механический забой.

Кушанья повара Кучера на выставке.

Изотов с Кучером заключили договор. Об этом договоре писали даже за границей. Кучер обязался готовить обеды не хуже, чем Изотов добывает уголь. Каких только кушаний не приготовлял после заключения договора этот знаменитый повар Кучер! Как ловкий фокусник, он из самых простых вещей приготовлял изумительные блюда. Из поджаренного сахара он делал соус. Попробуешь и не поймешь: соус это или мадера — сладкое, пахучее вино.

А гордостью Кучера был знаменитый „изотовский борщ".

В Горловку приехала делегация немецких рабочих. Они обедали у Кучера и через переводчика просили передать, что они два месяца ездят по Союзу, были на Урале, в Сталинграде, в Горьком и в Москве, но нигде не ели такого борща, как изотовский.

Из всего, что было рассказано, видно, что Изотов и изотовцы работают неплохо. Орден Ленина заслуженно красуется на груди Никиты Изотова. А таких бойцов, как Изотов, немало воспитала большевистская партия. Под руководством партии Изотовы бились не только в Донбассе, но и на Урале, и в Москве, и в Северном крае, и на Дальнем Востоке.

КОНЕЦ ШАНХАЯ И ПЕКИНА

Сотни тысяч ударников переделали нашу страну и завоевали для себя хорошую жизнь. Горловка, где живет Изотов, называлась раньше „помойкой Донбасса". Это был самый грязный, самый отвратительный городишко в Донбассе. Всему Донбассу были известны три горловских поселка: Пекин, Шанхай и Собачеевка. У жителей Пекина, Шанхая и Собачеевки была

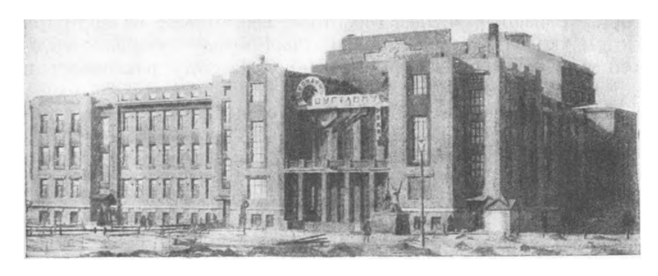
Шахтеры идут на работу мимо старых своих землянок.

одинаковая проклятая, собачья жизнь. Это были самые отчаянные трущобы Донбасса. Шанхай состоял из сырых землянок. Окна в них никогда не открывались: стекла были наглухо вмазаны в стену. Сорок пять таких „дворцов“ было в Шанхае. Сорок четыре землянки сломали и разорили навсегда. Сорок пятую не стали ломать. Оставили.

Хозяин землянки ждал, пока дойдет до нее очередь. Потом видит, что не ломают, и страшно рассердился:

— Что же вы меня в ней хотите жить оставить?

Но его не оставили жить в землянке. Ему, как и другим, дали просторную, светлую квартиру в новом доме. На месте Шанхая теперь бульвар, а посреди бульвара стоит сорок пятая землянка, накрытая большим стеклянным колпаком. В ней никто не живет — она музейный образец старой жизни. А Горловка теперь лучший город в Донбассе.

Таких зданий не видел раньше Донбасс.

РЕЧЬ ОГОРОДНИКА

КОЛХОЗНЫЕ ГОСТИ

ОГОРОДНИКА Новоселова раздуло флюсом щеку. Он очень волновался. Сегодня ему выступать на семнадцатом партсъезде от всех колхозников Московской области. Еще в автобусе, по дороге к Кремлю, он просил, чтобы выделили кого-нибудь другого, но колхозная делегация не соглашалась. Так и поехал с флюсом, чтоб его совсем...

Колхозники вошли во дворец. Их пропустили в зал; они уселись на скамье для гостей. Новоселов стал рассматривать людей в президиуме и узнавать, кого помнил по портретам.

Он узнал всех. Узнал Кагановича: широкоплечий, большого роста. Близко разглядел Молотова: совсем как на портрете. Потом увидел Сталина. Сталин ходил между стульев с трубкой в зубах и улыбался. К одному делегату наклонится и поговорит, потом к другому.

Новоселов глядел в оба глаза. Только иногда вдруг вспоминал про флюс и начинал волноваться.

Вдруг председатель сказал:

— Слово от колхозников Московской области имеет товарищ Новоселов.

Как только Новоселов взошел на трибуну, раздался такой гром, что у него в глазах потемнело.

— Все, кто был в зале, — большие тысячи людей, — все встали, — рассказывал потом Новоселов.

Рядом с ним стал другой колхозник, Маркин, со знаменем. Развернул знамя — гром еще сильнее, прямо потолок раскалывается.

Новоселов забыл про свой флюс. От такого грома дай только с мыслями собраться.

Когда гром затих, он собрался с мыслями и сказал все, что задумал: как советская власть переделала Новодеревенский район, из которого он приехал.

ЗЛОСЧАСТНАЯ РЯЗАНЬ

Новоселов приехал из колхоза „Новый быт", Новодеревенского района, Московской области. До революции это место называлось иначе: деревня Якимец, Раненбургского уезда, Рязанской губернии.

Мужиков Рязанской губернии прежде называли „Рязань косопузая". Занимались мужики хлебопашеством, жили в саманных, из глины с соломой, землянках. Однако, занимаясь одним хлебопашеством, мужики питались своим хлебом только семь-восемь месяцев из двенадцати. В остальное время большая часть населения уходила из своих деревень с сумой через плечо. Это называлось „итти в кусочки".

Помещики и чиновники думали, что Рязань нищенствует просто из лени. „Рязанские мужики, — говорили они, — ленивый, жадный, распущенный народ. Поглядите, какая у них земля — чистый чернозем".

Земля действительно была чистый чернозем. И сколько ее было! Посмотришь, до самого горизонта во все четыре стороны ни кустика, ни дерева, одни поля, один сплошной чернозем.

Между мужиками шел другой разговор:

— Отчего это происходит? Где ни плюнешь, обязательно через твою землю перелетит и попадет на помещичью.

Земли у рязанских мужиков было мало — курёнка выпустить некуда. Да из рязанского чернозема мужикам досталась самая плохая земля. До сих пор урожаи на бывших помещичьих землях лучше, чем на крестьянских. Помещики и кулаки — вот кто владел „косопузой Рязанью", недоедавшей целыми столетиями и побиравшейся на богатейшей земле. И обидное их прозвище рязанские мужики получили за их бедность.

Самым лучшим лакомством рязанских ребят был пирог, да не слоеный и не с вареньем пирог. Пирогом в рязанских деревнях называли черный хлеб, выпеченный из просеянной ржаной муки.

Многое изменилось на той же широте и долготе, где был Раненбургский уезд.

Исчезла злосчастная „косопузая Рязань". Земля теперь вся принадлежит колхозам и совхозам. Рязанская беднота начинает жить зажиточной жизнью.

Но далось это нелегко. Долго еще после Октябрьской революции и гражданской войны на Новодеревенской земле раздавались выстрелы из кулацких обрезов. До сих пор еще кулаки и их помощники, кое-где засевшие в колхозах под видом завхозов и конюхов, вредят колхозному делу.

СМЕЛЫЙ ПЕТЯ ТРОФИМОВ

Такой завхоз и кладовщик по фамилии Мурушкин был и в колхозе имени Димитрова в Новодеревенском районе. Мурушкин был беспробудный пьяница. Выпьет бутылку водки, уснет; проснется, опять бутылку и снова спать. Проснется — все сначала... Трезвым его никто никогда не видел. Председатель колхоза был „шляпа" и доверил все Мурушкину. Ключи от всех кладовых и амбаров были у Мурушкина. Мурушкин хранил ключи, как зеницу ока. Он никому их не давал и никого не допускал к амбару, особенно к семенам.

Все сходило с рук Мурушкину. Но в колхозе был смелый человек — Петя Трофимов. Это был самый маленький селькор в районе: ему было пятнадцать лет. Хотел Петя посмотреть, как в амбаре семена хранятся, но пьяный Мурушкин, конечно, его прогнал.

Петя, несмотря на свою молодость, был не последний человек в деревне; кулаки и подкулачники его не то чтобы боялись, но все же опасались.

Роста он был небольшого, на вид ему больше тринадцати не дашь. Опасались его из-за острого взгляда: мальчишка все замечал.

Как-то написал он в газету, что один колхозник рано утром с колхозного поля унес ведро картошки. После заметки прискакал милиционер. У этого колхозника сделали обыск и нашли в погребе картошку — целых 13 пудов. Это он понемножку, ведрами, натаскал.

Еще случай. Однажды поехал другой колхозник за глиной. Возвращается обратно мимо речки. Вдруг лошадь сворачивает прямо в реку. Зашла по колено в воду и пьет. Напилась, обратно телегу никак не вывезет: глина тяжелая, у реки вязко. Другой и не заметил бы ничего. Ну, залезла и залезла. А Петя все распутал. Он на этом случае конюха накрыл, который ло-

шадей не поил. Напоенная лошадь ни с того, ни с сего в речку не полезет.

Петя Трофимов написал про Мурушкина в газету. Как пришла газета в колхоз, Мурушкина привели к амбару и заставили открыть. Оказалось, что он сгноил все семена. Приехала следственная комиссия. Многим тут попало, а Мурушкина осудили на пять лет.

Когда Мурушкина забрали, зять его напился пьяный, погрозил Пете кулаком и сказал тихо:

— Все равно тебе не жить.

Но Петька — упрямый парень. Он продолжает совать свой курносый селькоровский нос во все деревенские дела. Он лучший, премированный селькор политотдельской газеты „Молотилка".

ЗАВОЕВАНИЕ БЕЛОГО ПЯТНА

Допустить в прежнее время, что „косопузая Рязань" вырастила арбузы и дыни, было все равно, что поверить в апельсинные рощи у эскимосов.

Новоселов на партийном съезде рассказывал, как над ним смеялись, когда он задумал вырастить у себя в колхозе арбузы и дыни.

Люди говорили:

— Нешто это мыслимо? Ведь арбуз здесь отродясь не родился.

— Ладно, смейтесь, — отвечал он, — советская власть из лаптей делает хромовые сапоги.

В этом месте съезд прервал Новоселова, и делегаты шумно и весело захлопали ему.

А на земле Новодеревенского района не только арбуз, на ней и пшеница никогда не родилась. Было такое мнение, что в этой полосе для пшеницы белое пятно.

— На этой полосе чернозема никогда не колосилась пшеница и никогда не будет, — говорили некоторые агрономы, когда в колхозе собрались ее сеять.

— Ее ждет, — пугали они колхозников, — страшная гессенская муха. Эта муха похожа на рыжебурого комарика. Она откладывает на всходах пшеницы яички, из которых выходят прожорливые личинки. Они объедают молодое растение. Оно припухает, перестает расти, потом желтеет и погибает.

— Ее ждет заразная болезнь — головня. Она смертельно обжигает пшеницу. От нее погибают миллионы пудов хлеба. Головня очень прилипчива к пшенице. А если пшенице по-

Такой лук вырастили в Новодеревенском районе.

счастливится и она уйдет от гессенской мухи и от головни, то все равно погибнет от мороза.

Но агрономы МТС и колхозники не испугались гессенской мухи. Они выбрали для посева особую, „твердую" пшеницу, они точно выбрали время сева, — а есть такое безопасное время, когда муха не страшна. Они выбрали лучшую землю. С осени еще вспахали ее и хорошо унавозили. Они обошли гессенскую муху с тыла: перед посевом протравили семена, обработали их ядовитыми для грибков головни веществами. Колхозники со всех сторон обезопасили посевы и посеяли пшеницу.

Потом политотдел ввел яровизацию пшеницы. Яровые растения отличаются от озимых тем, что созревают в тот же год, когда их посеяли. Озимые созревают только на следующий год. Они должны перезимовать. Но зимовать в поле бывает опасно. В бесснежную зиму они вымерзают. Украинский агроном Лысенко изобрел способ, при котором озимая пшеница созревает в тот же год. Этот способ применяют в „Новой Деревне". Семенам пшеницы устраивают искусственную зиму. Их помещают на некоторое время в снег.

Яровизированная пшеница принесла двойной урожай.

ПОД НОВОЙ ШИРОТОЙ

В районе был плохой скот, потому что не было лугов. Лугов нет — значит, их надо сделать. И в районе выросли искусственные пастбища. Колхозники, по указаниям МТС, засеяли поля кормовыми травами — донником, клевером. Поля стали засевать кормовой капустой и топинанбуром — земляной грушей. У нее и ботва и клубни идут на корм скоту.

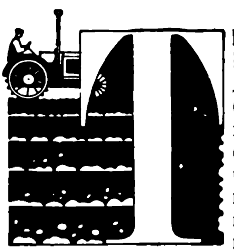
Стали сеять сою — растение, которое дает прекрасный корм.

С десяток новых растений появилось в районе с колхозами и политотделом МТС. Политотдел и колхозы перенесли „Новую Деревню" из широты Раненбургского уезда в какую-то другую широту, где растут пшеница и соя, где вызревают арбузы и дыни, где коровы досыта едят питательный донник и невиданный топинамбур.

Колхозы переделали землю, а ведь у нас не один Новодеревенский район, а тысячи таких районов.

КОМАНДИР ПОЛЕЙ

НИКОЛАЙ ИВУШКИН

ТРИНАДЦАТЬ тысяч коммунистов послал Центральный комитет партии в политотделы машинно-тракторных станций. Это было в 1933 году, когда почти вся советская деревня стала колхозной. Не странно ли? Деревня вся в колхозе. Зачем же посылать еще коммунистов? На первый взгляд кажется, что партии стало меньше забот, когда крестьяне вошли в колхозы. На самом деле и забот и ответственности стало больше.

Один из тринадцати тысяч — Николай Ивушкин — приехал начальником политотдела в „Новую Деревню", в тот самый Новодеревенский район, откуда приехал на съезд огородник Новоселов. МТС расположилась у самой железнодорожной станции. Вся МТС помещалась в нескольких одноэтажных строениях, сбитых из глины с соломой: контора, мастерская, конюшня, гараж, столовая.

Ивушкин посмотрел на карту района. В зону МТС входит двадцать восемь колхозов. Он отвечает за все двадцать восемь как начальник колхозного производства, как командир колхозных полей.

За забором главное машинное отделение производства — тридцать пять тракторов, сложные и полусложные молотилки, прицепной инвентарь. Если бы задача состояла только в том, чтобы распределить их по колхозам, то дело было бы пустяковое. Но дело было гораздо сложнее. В двадцать восемь коллективных хозяйств входят люди, которые никогда не работали

вместе, как рабочие на фабрике. Колхоз — это не фабричный цех, где каждый точно знает свое место и свой станок. Каждый хозяин раньше сам заботился о своей лошади, о плуге, о том, чтобы во-время приготовить семена. Теперь вместе с лошадью и плугом он сдал колхозу и свои заботы. Эти именно заботы и легли на широкие плечи партии.

За что отвечал Ивушкин с тех пор, как он пришел в МТС? За все: за сев и за уборку, за хорошую обработку полей и за высокий урожай, за хлебозаготовки, за то, чтобы колхозы стали большевистскими, а колхозники — зажиточными, за то, чтобы у каждого колхозника было по корове, чтобы каждый ел пшеничные блины с молоком и маслом.

Для этого трудного и сложного дела партия тщательно отбирала людей. Для этого членов партии снимали с самых важных работ. В политотделы поехали и директора заводов, и красные профессора, и командиры Красной армии, и лучшие партийные работники. Посылка в политотдел была высокой честью для каждого большевика.

Николай Ивушкин.

НА ТРЕТЬЕЙ СКОРОСТИ

Ивушкин начал с того, что выгнал из колхозов кулаков. Они все еще вредили: воровали колхозное добро, разлагали дисциплину. Был такой случай, когда в молотилку попал шкворень. Чья-то вредительская рука незаметно засунула его в сноп. В селе Боровок под обгоревшей крышей кулацкого дома Павла Блохина нашли две разобранных винтовки.

Если бы кулаки на вид отличались от настоящих колхозников, выгнать их было бы легко. Сказал: „Эй, кто там в жилетке с толстым пузом — выходи!" Взял за шиворот и выбросил за ворота. Ивушкину для того, чтобы узнать, кто мешает работать, чтобы разоблачить кулака, нужно было до тонкости изучить работу каждого из двадцати восьми колхозов. Ивушкин ведь не волшебник, он не может быть сразу в двадцати восьми местах. Поэтому в каждом колхозе были руки и глаза политотдела. Кто эти руки и глаза? Да сами же колхозники, те, которых партия и политотдел научили по-хозяйски относиться к колхозным делам. Ивушкин работал не один. Партия послала его затем, чтобы он в каждом колхозе вырастил активных людей и научил их работать.

Для этого, конечно, нужно не сидеть в конторе, а бывать на полях. Ивушкин ухитрялся бывать везде.

На мотоцикле, на самой быстрой, третьей скорости, он объезжал свои колхозы. Правда, медленнее он ездить не мог:

у политотдельского мотоцикла была только одна скорость — третья. Мотоцикл был инвалидом. Остальные скорости от старости и тряски по сельским дорогам давно уже сломались. К одноместному мотоциклу приделали сбоку неуклюжий ящик на одном колесе. В ящике было только одно место. Ивушкин садился на это место, втискивал туда же еще одного политотдельца, и втроем с механиком за шофера, на третьей скорости, они, трясясь на ухабах, мчались в дальний колхоз. Потом уже политотдел получил легковой автомобиль.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЗА ПЛУГОМ

Колхоз „Прожектор" отстал. Никак не поспеет за другими. Все уже кончают пахать, а он тянет и тянет. Тогда в колхоз на мотоцикле явился Ивушкин. Он спросил у председателя колхоза Маряхина·

— Почему отстаете?

— Лошади плохие, земля сырая, — ответил тот.

Ивушкин взял с собой председателя и пошел в поле.

А в поле колхозники пахали гурьбой. Всей бригадой сразу. Отрезали каждой бригаде кусище земли, и друг за другом шли все шесть плужков бригады. Одна лошадь устанет — другие за ней остановятся; один пахарь закурит — и другие сразу закуривают. Один докурил — ждет, пока другие докурят.

— Передовой колхоз, — сказал с усмешкой Ивушкин, посмотрел на Маряхина и не прибавил ни слова. Но Маряхину показалось, будто он получил здоровую трепку. Ивушкин отменил пахоту гурьбой. Он приказал разделить землю на клетки, чтобы колхозники пахали каждый отдельно и соревновались друг с другом.

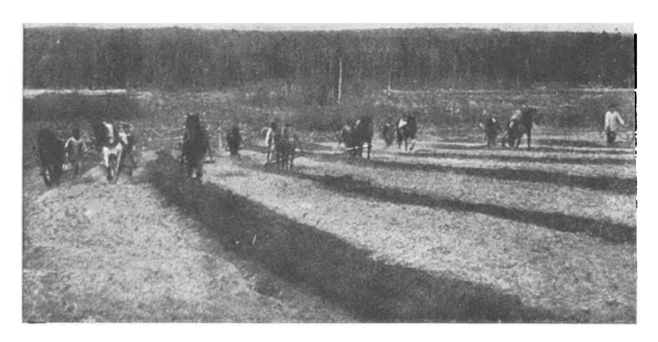
— Лошади плохие, земля сырая, — сказал он Маряхину и снова усмехнулся. — А ну-ка, председатель, выбирай себе клетку, бери лошадь, становись за плуг и паши, показывай пример колхозникам.

— Случился полный переворот, — говорил потом Маряхин. — То гектара не пахали, а то я вспахал больше полутора, и не пришлось мне примера показывать: рядовой колхозник на соседней клетке, рядом со мной, вспахал почти два гектара. И получилось так, что мы перед Ивушкиным сами себя высекли.

Когда Ивушкина спросили, в чем его секрет, почему колхозы зоны МТС работают лучше других, он ответил коротко:

— Соревнуются, проявляют инициативу, работают по плану.

Он не любит много разговаривать.

ГЛУХОВАТЫЙ КИРИН

Ехал Ивушкин с председателем „Красного пахаря“ Кириным мимо полей отстающего колхоза имени Димитрова. Этот колхоз соревновался с „Красным пахарем“. Кирин глуховат.

— Когда, — спрашивает громко Ивушкин, — кончишь сеять?

— Числа пятого-шестого, — отвечает Кирин.

А политотдел решил закончить сев никак ни позже третьего. Чем раньше отсеешься, тем лучше урожай.

— Ладно, говорит Ивушкин. — Четвертого приедет к тебе колхоз Димитрова помогать.

Глуховатый Кирин слышит: „четвертого... Димитрова...“, знает, что там всегда прорыв, и качает головой.

— Согласен, — говорит, — помочь, только четвертого не приеду. Я к ним только седьмого могу приехать.

— Да нет! — кричит тогда в самое ухо Ивушкин. — Не ты к нему четвертого, а он к тебе четвертого приедет помогать!

Кирин даже привскочил на сиденье.

— Как ко мне? Мы у него на буксире? Ничего подобного в жизни не будет!

Сам Кирин двое суток не спал, колхозники работали, как одержимые, а кончили третьего мая, в один день с димитровцами.

ЧЕСТЬ КОЛХОЗА

Услышишь, что Ивушкин вчера был здесь, сегодня за двадцать километров, завтра еще где-нибудь, и кажется, что это очень беспокойный человек, который носится, как угорелый, и всегда куда-нибудь спешит.

На самом деле смотришь на него и с удивлением видишь, что это очень спокойный и на вид даже какой-то задумчивый человек. Когда он с кем-нибудь разговаривает, то слушает собеседника очень внимательно. На ветер слова не бросает. Как-то говорил с одним колхозом, который запаздывал со сдачей картофеля на семена. Разговаривали по телефону. Ивушкин говорит:

— Сдать нужно такого-то числа.

— Не могу, — отвечает председатель колхоза.

Он долго и горячо убеждает Ивушкина, почему это невозможно, приводит всякие причины. Вокруг Ивушкина стоят политотдельцы и прислушиваются.

— Ладно, — говорит Ивушкин. — Тебе, как отстающему, дадим еще три дня сроку.

Политотдельцы услышали и всполошились.

— Да что ты! — говорят они Ивушкину. — Разве можно давать ему отсрочку? Ведь он всю зону подведет, ведь все уже...

Политотдельцы горячатся, а Ивушкин только руку поднял, чтобы не мешали. А потом говорит в трубку:

— Ладно, посмотрим.

Положил трубку; товарищи опять к нему:

— Да как же ты?..

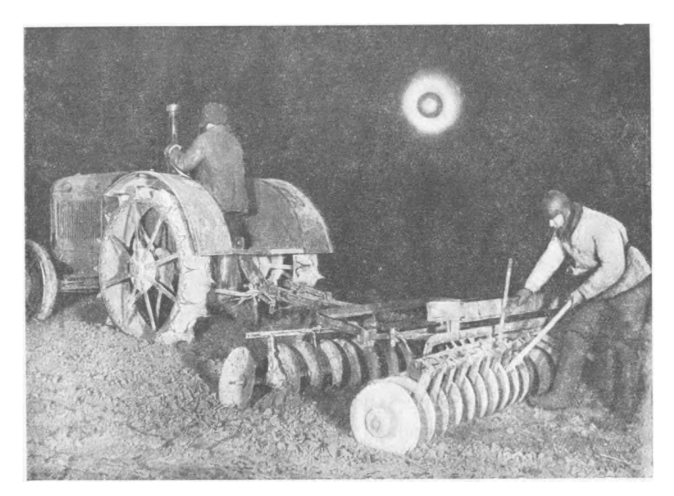
— Что вы беспокоитесь, ребята? Он выполнит в срок. Я характер его знаю.

— Да ведь ты сам дал ему отсрочку.

— Я ему дал как отстающему. Он ее не взял. Никогда, говорит, отстающим не был и не буду. Этот не подведет.

Ивушкин оказался прав. Он знает всех активистов не только в лицо, он знает их особенности. Ивушкин знал, кому давал отсрочку: это был крепкий и самолюбивый человек, для которого честь колхоза была дорога. Растяпа и слюнтяй не получил бы от Ивушкина отсрочки.

Ивушкин аккуратен, как хронометр. Его часы никогда не отстают. Он условился с агрономом Винчелем выехать в семь часов утра. Винчель опоздал на пять минут. Ивушкин уже уехал. Агроном удивляется, как хорошо начальник политотдела знает агротехнику. Когда только он поспевает ее изучать?

Ночью, при электричестве, на колхозных полях работают замечательные машины.

Все колхозники приветствовали Ивушкина, когда он получил орден Ленина.

Теперь уже нет политотдела в Новодеревенской МТС. Партия создает политотделы для того, чтобы подтянуть отстающие участки нашего хозяйства.

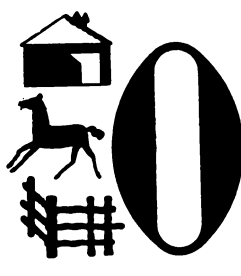
Тринадцать тысяч коммунистов выполнили поручение партии. Они вырастили сотни тысяч колхозных активистов, выгнали в основном кулацкие элементы из колхозов, укрепили их, сплотили деревенских коммунистов, передали им свой опыт.

Политотделы при помощи всей партии сделали свое дело — сельское хозяйство из отсталого участка стало передовым.

КОЛХОЗНЫЙ ПАРАД

ВЫСТАВКА В ГАРАЖЕ

ОГРОМНЫЕ ворота сарая машинно-тракторной станции были открыты настежь с обеих сторон. Обычно здесь тракторный гараж — конюшня тридцати пяти механических лошадей. Сегодня механические лошади, фыркая, вышли из сарая и уступили место живым. Но здесь были не только лошади. В наспех сбитых загородках стояли быки, коровы, овцы, телята; в одной лежала необыкновенно большая белая свинья; в других бегали поросята. Куры тоже были в сарае.

Это была выставка колхозного животноводства. После того, как кулаки порезали свой скот и подговорили к тому же многих несознательных колхозников, колхозы никак не могли обзавестись большими стадами. Мало того, оставшиеся стада не росли, они даже уменьшались. Только свиней стало больше, и то начиная с 1933 года.

Животноводство — одно из самых трудных колхозных дел. Чтобы вырастить из теленка хорошую корову, нужно положить уйму труда и забот. А колхозники не имели еще опыта. Большое, общее хозяйство ведется совсем иначе, чем свое маленькое, личное.

То был один теленок, а то целая сотня. Большое хозяйство выгоднее, но нужно научиться его вести. С полеводством колхозники справились гораздо легче. Какие урожаи пошли на колхозных полях! Раньше никогда таких не было. С животноводством дело пошло медленней.

„Новая Деревня“ в этом деле не отличалась от других районов. Политотдел решил взяться за животноводство обеими руками. Он решил собрать в одном месте все лучшее, что было в колхозах, созвать колхозников и показать, как работают их соседи.

БУЙНЫЕ ПИТОМЦЫ

Раньше всех на выставку явились именинники: конюхи, доярки и телятницы со своими рогатыми и хвостатыми питомцами. Каких молодцов оний привели! Некоторые были такие буйные, что их в загородке привязывали к двум столбам: справа и слева. Тогда они не метались и только яростно били землю копытами.

Из одного колхоза привели очень сердитого жеребца, породы „брабансон“, большого, как автобус. Это был отец многих колхозных жеребят. Их тоже привели на выставку. Они бегали за стенами сарая около своих матерей. Матери — беспородные крестьянские лошади, но в жеребятах видна отцовская бельгийская кровь. Все с уважением смотрели на бельгийца, который дал колхозным жеребятам свою широкую грудь, крепкие мускулы и огромную силу. Брабансон был недоволен. Он свирепо тряс гривой и выбил копытами большую яму в земляном полу.

В стойле рядом стоял беспокойный бык Мишка. Настоящий испанец. Он выглядел так, будто вот-вот выскочит на арену и помчится прямо на тореадора, который дразнит его красным плащом.

РАЙОННЫЕ ЧЕМПИОНЫ

Напротив стояла неказистая коровенка по кличке „Ласточка“. Плакат над ней говорил, что она дает 2500 литров молока в год. Это была районная чемпионка по молоку. На столбе висел портрет ее доярки, колхозницы Гонцовой. Конечно, Ласточке далеко до всесоюзной рекордистки, ивановской коровки Золотой. Золотая дает ни больше, ни меньше, как девять тысяч литров в год — больше, чем три Ласточки, и столько, сколько восемь — десять простых новодеревенских колхозных коров. Целое стадо на четырех ногах.

Но колхозные коровы не знают про Золотую. Их доярки тянутся за Гонцовой, потому что дело не только в корове, но и в доярке, которая ухаживает за ней.

Колхоз „Прожектор“ привез телят, совсем маленьких, четырехмесячных телок. Они не отличались ничем особенным.

Телята — как телята, мокрогубые, большеглазые. Но около них стояло много народа, а о колхозе „Прожектор“ трубили во все трубы.

В „Новой Деревне“ было много бескоровных колхозников. Некоторые, по советам кулаков, порезали своих коров перед коллективизацией, у других, бедняков, и сроду не было.

— Уж мы, большевики, постараемся, чтобы у каждого колхозника было по корове, — сказал Сталин на колхозном съезде.

В „Новой Деревне“ политотдел, выполняя задание партии, поручил всем колхозам наделить телками бескоровных колхозников. Колхоз „Прожектор“ первым выполнил это поручение.

Пять телочек на выставке — это телочки последних бескоровников колхоза „Прожектор“. Теперь в нем нет уже людей такого звания. Поэтому портрет его председателя висит на почетном месте, а колхоз находится на красной доске района.

БЛАГОДАРНЫЕ КОРОВЫ

К выставке был выпущен номер политотдельской газеты „Молотилка“. На первой странице в рамке помещен большой рисунок. На рисунке очень смешно нарисованы: свинья, кролик, утки, еще какие-то птицы и несколько коров. Одна из коров с венком на шее стоит на задних ногах, а в передних держит большую доску. На доске написано большими буквами:

> **Благодарим передовиков, организаторов социалистического животноводства МАРЯХИНА, КРЯЧКОВА, МАКСИМОВУ, КРЯЧКОВУ**

К двенадцати часам в сарае стало тесно. А колхозники все приезжали и приезжали по всем дорогам, со всех сторон. Приезжали все лучшие ударники, со значками на груди. На значках был вытиснен портрет Кагановича. Люди со значками — отличившиеся ударники похода имени Кагановича за высокий урожай.

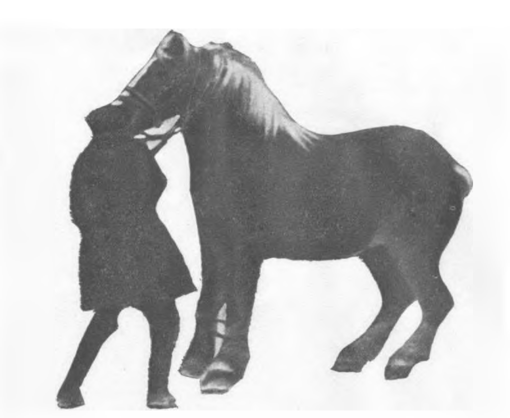
Ударники хорошо одеты. Рязань переобулась из лаптей в сапоги. На ударницах — яркие платки и красивые туфли.

На слете играли гармонии. Их было тридцать или сорок. Ни один колхоз не приехал без гармонии. Они играли все сразу, так что складной музыки не получалось. Но было весело. Девушки пели частушки. Ударницы одного колхоза глядели, как пляшут ударницы другого.

Потом на площадку выехал грузовик со столом для председателя и с микрофоном для ораторов, чтобы их слышали во всех деревнях. Тысяча, а может быть и больше, колхозников окружили грузовик. На платформу по очереди взбирались политотдельцы, председатели краснознаменных колхозов и ударники. На грузовик не так легко взобраться, особенно женщинам и старикам. Им подавали руки, и они, красные от усилий и смущенья, принимали премии — велосипеды, часы, костюмы — и говорили ответные слова.

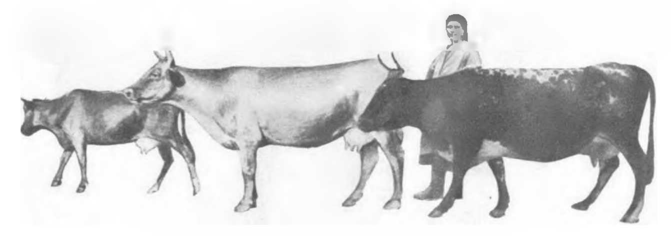

ПАРАД ЧЕТВЕРОНОГИХ

А потом начался парад. Перед начальником политотдела, между двумя рядами колхозников, проводили лучших жеребцов. Они ржали, становились на дыбы и били задом, так что зрители шарахались. Конюхи держали жеребцов с двух сторон и еле удерживали. Затем протащили свирепых быков, весело пробежали сосунки-коняшки за своими матерями; за ними шли лучшие коровы. Под хохот и веселую музыку оркестра семенили поросята и медленно шла белая английская свинья.

Нужно сознаться, что в параде не было большой стройности. Все из-за оркестра. Когда шла колхозная кавалерия — буйные жеребцы, - тут бы музыке. Но оркестр молчал. Как только жеребцы прошли, оркестр заиграл. Показались быки из сарая оркестр опять замолчал. Прошли — он снова заиграл. Кур про-

Пошли коровы.

Лучшие телята.

вели под музыку „По долинам, по загорьям", но она прервалась на какой-то не той ноте. Получилось, что парад сам по себе, оркестр тоже сам по себе. Только один раз оркестр попал в точку: когда шли поросята. Они оценили его внимание и бежали в такт. Оркестр играл бодрый марш.

Но парад и без оркестра был внушителен. На партийном съезде Сталин сказал, что 1934 год должен и может стать годом перелома к подъему в животноводческом хозяйстве. Выставка подтверждала его слова.

ПУТАНИКИ КРИЧАТ „КАРАУЛ"

Партия сказала, что нужно сделать всех колхозников зажиточными. Но нашлись такие люди, которые стали возражать.

— Ежели все станут зажиточными, — говорили они, — то беднота перестанет существовать. На кого же будут опираться большевики? Кого они будут защищать? Зажиточных? Да ведь зажиточными были только кулаки! Караул!

Эти путаники думали, что без существования бедноты немыслима ни большевистская работа, ни социализм.

На съезде Сталин высмеял этих „умников".

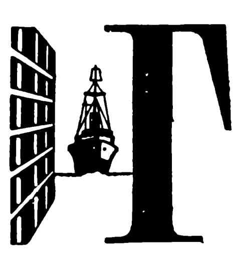
— Это такая глупость, — сказал он, — о которой неловко даже говорить.

Ленинцы опираются на бедноту, когда есть капиталисты, которые ее эксплоатируют. Когда мы разгромили кулаков, мы должны не сохранять бедность, а уничтожить ее и поднять бедноту до зажиточной жизни.

Мы идем к социализму, к зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

НОВАЯ ГЕОГРАФИЯ

ЧУДЕСА БУДУЩЕГО

ГОДЫ пройдут, и перед людьми откроются невероятные чудеса будущего. Они будут жить на той же земле, но какая фантастическая это будет земля!

На ней вырастут дома в полкилометра высотой, облака будут задевать их крыши.

Над ней полетят воздушные поезда. Люди будущего рассядутся там в удобных креслах. Они, не вставая с места, будут говорить друг с другом по телефону, а со своими друзьями на земле по радио.

Под землей будет так же чудесно, как и наверху. Туда будут спускаться люди будущих времен, чтобы понестись с огромной быстротой и вынырнуть в другом месте земной поверхности.

Это будет невообразимое время. Люди переделают землю и воду. Они заставят незнакомые моря поздороваться друг с другом.

Но когда это будет? Через двести лет? Нет, незачем так долго ждать. Все это — чудеса второй пятилетки, чудеса сегодняшнего и завтрашнего дня.

СОЕДИНЕНИЕ МОРЕЙ

В подарок семнадцатому съезду был досрочно окончен большой Беломорско-Балтийский канал имени Сталина, первый из гигантов второй пятилетки.

Природа очень неудобно расположила советские моря. Чтобы попасть из Балтийского моря в Белое, нужно было проплыть мимо восьми чужих стран: Финляндии, Швеции, Эстонии, Латвии, Польши, Германии и Дании, по Балтийскому морю и по Северному полярному морю вдоль берегов Норвегии. Это далеко и неудобно.

Во время мировой войны немцы заперли весь царский флот в Кронштадте, и он никуда не мог оттуда выйти.

Нужда в канале между Белым морем и Балтийским была еще двести лет тому назад. Тогда Петру I пришлось расчистить просеку в карельских лесах и перетащить два корабля по земле, чтобы ударить в тыл шведам, с которыми он воевал. Почти триста километров волокли по земле эти два корабля. Да еще задолго до Петра новгородские купцы в ладьях возили с севера пушнину, рыбу и соль. Где могли, они плыли по озерам и рекам, а где реки были порожистыми, где не было озер, волокли свои ладьи посуху.

КРАЙ НЕПУГАННЫХ ПТИЦ

Лет двадцать тому назад по краю между двумя морями путешествовал писатель Пришвин. Об этом он написал книгу и назвал ее „В краю непуганных птиц". Таким диким был этот край.

В краю непуганных птиц, по советской Карелии, большевики задумали провести канал больше всех каналов, построенных на нашей планете. Длина Панамского канала — 81 километр. Суэцкий канал длиной в 164 километра. Здесь, между Белым и Балтийским морями, предстояло провести канал в 227 километров.

Об этом неисследованном крае было известно только, что климат у него неустойчивый и капризный: летом неожиданно наступают заморозки, зимой вдруг приходят оттепели.

Было известно, что в давние времена, когда земля была молода, по этому краю два раза прошел и сполз, отступая, ледник. Он протащил и оставил холмы песка, пласты гравия, валуны и песок-плывун. Потом подземные силы подняли Скандинавский полуостров и перекосили карельскую почву, повернули каменные пласты — они вышли наружу. За тысячи лет часть их покрылась торфом; на них поднялись леса.

Сквозь эти дикие скалы, болотистую почву, обходя порожистые речки, предстояло прорыть длиннейший в мире канал. Между двумя морями находится водораздел. Отсюда вода стекает в разные стороны. К Белому морю она спускается по-

лого, а к Балтийскому скачет круто вниз. От водораздела порожистая речка Повенчанка за 12 километров пути прыгает на 70 метров вниз в Онежское озеро, к городу Повенцу.

Спускать корабли по такому водопаду невозможно, а уж поднимать их на 70 метров вверх и подавно. Пароход не заставишь прыгать вверх со скалы на скалу Надо построить такую лестницу, по которой корабли могли бы подниматься.

Вырыть канал трудно. Нужно строить плотины. А из чего строить в этом диком крае? Как завезти по лесному бездорожью цемент, бетон и железо? Кто будет строить, наконец? На севере, у Белого моря и на беломорских островах, есть население. Но это преступники — классовые враги, осужденные за вредительство инженеры, кулаки, воры и бандиты, заключенные в лагерях ОГПУ.

Большевики решили не только перестроить природу, они решили заодно переделать и людей. Партия поручила ОГПУ построить Беломорский канал.

Руководитель ОГПУ товарищ Ягода вызвал начальников лагерей, старых, испытанных чекистов, и сказал им:

— Канал должен стоить дешево и должен быть построен в короткий срок. Таково указание товарища Сталина.

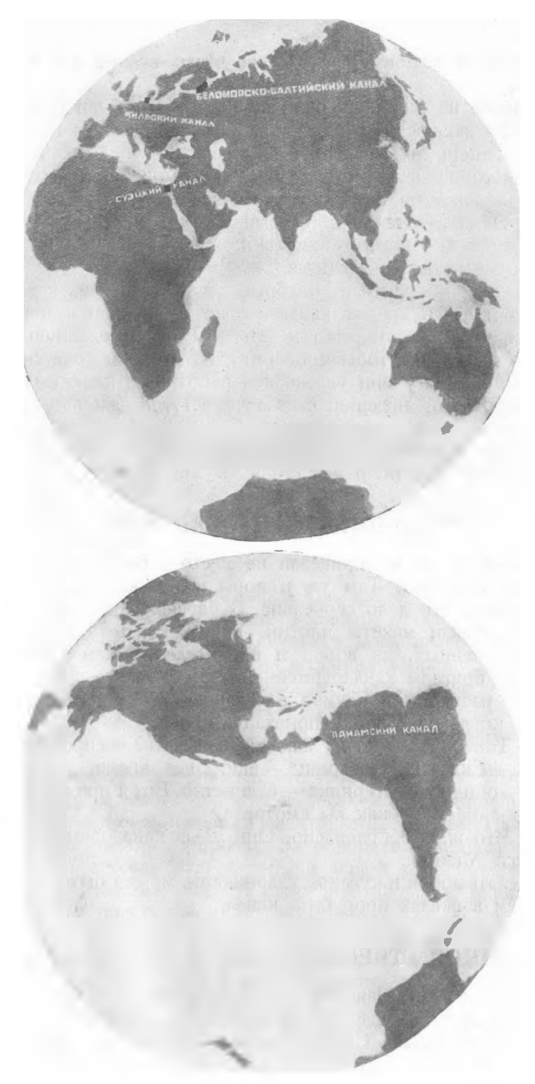
СТО ТЫСЯЧ ПРЕСТУПНИКОВ

Сто тысяч преступников начали строить канал.

И в старые времена преступников заставляли работать. В древнем Риме и позже, в средние века, их ссылали на галеры — военные суда. Навсегда прикованные к борту, они гребли, выбиваясь из сил. Их расковывали только после смерти. В капиталистических тюрьмах заключенным тоже иногда дают работу: они клеят картонки или переносят из угла в угол камни и кирпичи. В царской каторге на троих кузнецов давали один молоток. Все это было не трудом, а издевательством. Люди тупели, не видя радости в тяжелой, бессмысленной и бесцельной работе.

Сто тысяч преступников вывели в карельские леса, одели их в ватники и валенки, не побоялись дать им в руки топоры, пилы, все нужные орудия и даже взрывчатые вещества.

— Вы сосланы сюда за тяжелые преступления перед советской властью, перед трудящимися, — сказали им чекисты. — Вся страна работает не покладая рук. Мы даем вам возможность стать трудящимися и искупить свою вину. По каналу, который пройдет в этих скалах и болотах, пройдет ваш путь на свободу. Вы были вредителями — вы можете стать ударни-

Величайшие каналы мира.

ками второй пятилетки. Почетнее этого звания нет в нашей стране.

Многие из них не верили чекистам. Это были люди, которые и до заключения не верили советской власти и боролись с ней. Теперь их завезли в леса и хотят убедить, что здесь, среди леса, по скале и болоту, пройдут морские корабли и вывезут их на волю, если они этого заслужат.

— Обман, — говорили старые воры и опытные налетчики.

— Обман, — повторяли кулаки. — Хотят извести нас, чтобы никого не осталось в живых.

Инженеры-вредители, которые еще в Москве, в заключении, составляли проект канала, тоже не верили в него. Они думали, что их заставляют делать эту бессмысленную работу просто для того, чтобы проверить, на что они годятся.

Но понемногу они увлекались работой, и как-то один старый бородатый инженер сказал чекисту, начальнику проектного бюро:

— Вот если бы этим каналом серьезно занялись! В самом деле, это интересно и для страны и для нас.

УДАРНИКИ-КАНАЛОАРМЕЙЦЫ

Потом, когда их привезли на место работы, они увидели, что это серьезно. Там уж и воры и кулаки тоже начинали убеждаться, что дело серьезное. В бараках, где жили заключенные, стояли макеты плотин, висели карты канала. И вот из заключенных, из воров и вредителей, стали создаваться ударные бригады каналоармейцев.

Это название придумал начальник строительства товарищ Коган, когда на стройку приехал Микоян.

— Товарищ Микоян, как их называть? — спросил у него Коган. — Сказать „товарищ“ — еще не время. „Заключенный“ — обидно. „Лагерник“ — бесцветно. Вот я придумал слово: „каналоармеец“, — как вы смотрите?

— Что ж, это правильно. Они у вас каналоармейцы, — согласился Микоян.

Сделать воров и кулаков ударниками, может быть, еще труднее, чем в скалах прорубить канал.

С ОДНОЙ СТОРОНЫ — ВЫГ, С ДРУГОЙ — ВОРЫ

Каналоармейка Павлова, бывшая воровка и налетчица, стала одной из лучших ударниц Беломорстроя. Через тюрьмы, исправительные дома, Соловки попала она на строительство ка-

Шаванский водослив.

нала. Наплевать ей было на канал! Она им не интересовалась. Считала дни, когда выйдет на волю, и отчаянно ругалась самыми последними словами. Потом старый знакомый, тоже бывший вор, бетонщик Ковалев, уговорил Павлову выйти на трассу, и с виду слабенькая, худая женщина пошла работать на тачках.

После уже, когда канал был построен, Павлова рассказывала:

— Потом я начала понимать, что вокруг делается. Толкаешь тачку на гору и видишь: лежит в лесах канал. Днем на корыто похож, а вечером весь в электричестве, точно Тверская. Стелется дым, паровозы кричат. За поворотом аммонал ухает. А на дне по откосам в лесу тысячи людей копошатся... Черным черно! Ужасная сила! Я таких картин даже в кино не видала. И все преступники! Все соцвреды!

Как-то весной вода в озере Выг ночью внезапно поднялась и начала заливать котлован. А за заземленным гребнем котлована лежал еще не готовый и не окрепший канал 182-го километра.

Сначала люди в панике побежали от гибельной воды, но потом сразу повернули против нее. Павлова была среди них.

— Вода быстро наполнила котлован и стала приближаться к гребню. Тысяча человек сразу кинулась навстречу реке с мешками и камнями. С одной стороны — Выг, с другой — воры. И никто не хотел отступать. Мы поднимаем гребень, а река лезет выше. Мы ей затыкаем горло мешками, а она показывает язык в щели. До того доходило, что люди брались за руки и грудью держали воду, пока другие поднимали гребень.

Я тоже на гребне была и так заработалась, что даже холода не чувствовала. Так прошла ночь. Стало светать. А мы все держали Выг, и народу становилось все больше и больше.

Огляделись как следует только в бараке. Печка горит, а чайник на ней пустой. Кругом стоят женщины из нашей бригады. И все мокрые. Ото всех пар идет. Все кричат и вспоминают, где кто был.

На всю жизнь такая ночь только один раз человеку приходится.

Так труд переделывал людей, а люди переделывали природу.

ЛЕСТНИЦА КОРАБЛЕЙ

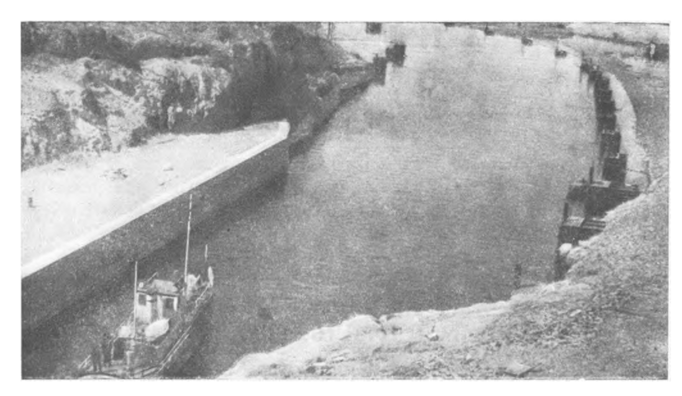
Ведь в самом деле построили лестницу для пароходов, и пароходы подымаются на 70 метров к водоразделу и оттуда, от шлюза к шлюзу, полого спускаются в Белое море.

Пароход входит из Онежского озера в камеру первого шлюза. За ним закрывают высокие деревянные ворота и камеру начинают наполнять водой. Вода идет. Ворота глухие. Они не пропускают воду в Онежское озеро, и на прибывающей воде начинает подниматься в камере пароход. Тогда открываются другие ворота, и пароход вплывает во вторую камеру, где вода раньше была выше, а теперь сравнялась с уровнем воды в первой камере. Пароход поднимается на одну ступеньку. Снова закрывают за пароходом ворота. Снова начинает прибывать вода, и пароход поднимается на вторую ступеньку.

И так, ступенька за ступенькой, пароход поднимается по великой повенчанской лестнице до водораздела, до Выг-озера.

Это море, которое питает канал, тоже создали каналоармейцы. Из дерева они сделали ворота и затворы для 19 шлюзов. Наука не знала до сих пор таких сооружений, сделанных из дерева.

Для того, чтобы управлять расходом воды, нужно было сделать плотины и поднять воду в озерах. Так из нескольких озер и создалось Выг-море. Чтобы удержать в своих границах огромные водохранилища, нужно было окружить их дам-

Пароход „Чекист" входит в новое море, созданное каналом. Это Выг-озеро, которое прозвали Выг-морем.

бами, которые строились из торфа и песка. Раньше никогда не строили дамб из таких материалов. На Беломорстрое песок покрывали слоем торфа, слой торфа опять песком, а песок снова торфом. Из такого слоеного пирога делали дамбы, и оказалось, что они не пропускают воду.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЦИФРЫ

Если бревна, уложенные в деревянные конструкции Беломорстроя, вытянуть в одну линию, то она будет длиной в 20 тысяч километров — больше половины окружности земного шара.

На Беломорстрое за 20 месяцев его работы сделано четыре миллиона триста тысяч взрывов. Чтобы увезти всю вынутую скалу, понадобилось бы 7500 товарных поездов.

Если сложить пробуренные шпуры — каналы для закладки взрывчатых веществ, — то получится шпур длиной от Карелии до Черного моря

Но самая удивительная цифра получилась, когда подсчитали всех ударников-каналоармейцев, работавших на стройке. Из разбитой и взятой в плен огромной армии врагов рабочего класса, из армии людей темного прошлого, выковалось пятьдесят тысяч людей настоящего и будущего, пятьдесят тысяч ударников второй пятилетки.

Моря подали друг другу руки, и по новому каналу, по водяной дороге, люди перешли из одного мира в другой.

В СТРАНЕ БУДУЩЕГО

МОСКВА С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

ОГДА летишь над Москвой на аэроплане, то видишь все дома сразу. Они стоят, тесно прижавшись друг к другу боками.

Но как они ни жмутся, все равно оставляют очень мало места для улиц.

Многие улицы совсем узкие.

Есть такие, по которым с трудом, чуть ли не обдирая себе бока, продираются трамваи.

Когда видишь все эти дома, представляешь себе сразу, как много людей в Москве.

Ведь в Москве есть такие дома, в которых живет по нескольку тысяч человек. В первомайскую демонстрацию через Красную площадь колонны десяти районов движутся сплошной стеной пять часов подряд, и все ближние улицы полны людьми от тротуара до тротуара.

С аэроплана московские улицы выглядят необыкновенно чистыми и гладкими. По тротуарам идут маленькие людишки; толпы стоят у перекрестков и у трамвайных остановок.

Из-за угла появляется игрушечный чистенький трамвайчик.

И вдруг толпа людишек закипает.

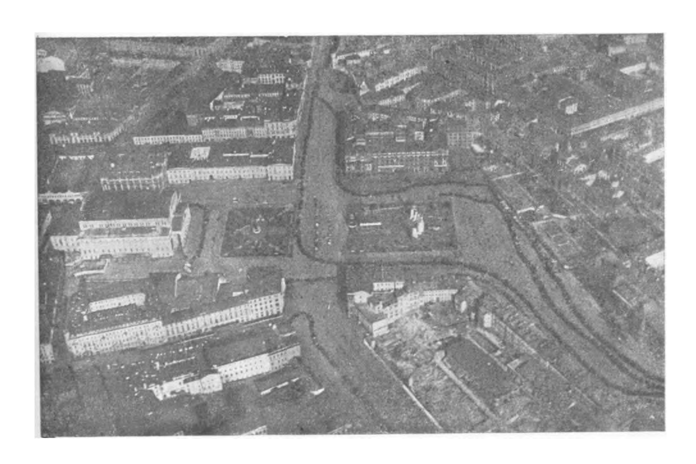
Человечки бросаются на трамвай, лезут друг на друга, суетятся, как муравьи, пока трамвай не отходит с гроздьями на подножках и даже на буферах.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ТРАМВАЕ

Это все так забавно выглядит сверху. А вылезешь из аэроплана да сам попытаешься сесть в трамвай — забудешь про смешных человечков. Кругом все сердитые москвичи. Одним нужно скорей на работу, другие спешат домой, третьи — в театр, и сам тоже торопишься. Подходит трамвай, бросаешься на него, как тигр, тебя сдавливают со всех сторон, тебя жмут, мнут, толкают, пока ты, совершенно изжеванный, не вылетишь пробкой через переднюю площадку.

Трамваи ходят часто. Еще чаще их пускать нельзя, иначе на улицах образуются заторы. Жителей в Москве — около четырех миллионов. Москва — один из самых больших городов мира. Каждый день московский трамвай перевозит пять миллионов пассажиров. Каждый москвич пятьсот раз в год ездит на трамвае. За год в московских трамваях могло бы проехать все человечество.

Трамвай не мог справиться с подвижными москвичами, которым каждый день нужно ехать на работу, с работы, в театр, в гости, в школу, в парки культуры и отдыха. На помощь трамваю пришли автобусы. Они помогли немного, но москвичей все прибавлялось. На подкрепление выслали троллейбусы, но

Улицы Москвы, снятые сверху.

и этого оказалось мало, а на улицах от автомобилей, автобусов и троллейбусов стало совсем тесно.

Стало ясно, что часть движения нужно перенести с улицы в какое-нибудь другое русло. И если для трамваев нехватает места на поверхности земли, то нужно пустить их под землей. Так предложил товарищ Сталин. Лазарь Моисеевич Каганович, секретарь Московского комитета партии, сделал подробный доклад об этом Центральному комитету партии, и партия решила проложить под Москвой туннели и пустить по ним поезда метрополитена.

ПОДЗЕМНЫЕ ТАЙНЫ

Туннель стали копать не сразу. Сначала геологи прощупали московскую почву. Они бурили землю в разных местах на разную глубину и выяснили, что для туннеля придется прокладывать трудный путь.

Глубоко под поверхностью Москвы, где, казалось бы, метростроевцы были первыми людьми, вдруг оказались совсем неожиданные предметы: туфля, подсвечник, аптекарские склянки, оружие!..

Какие подземные жители обронили свое имущество на глубине нескольких метров? Как они здесь жили? Может быть, есть следы их жилищ? Следы есть. Вот кусок мостовой, вот печные изразцы. Неужто был подземный город? Нет, это строители метро проходят „культурный слой". Когда-то, несколько столетий назад, на этом месте шумела старая Москва, здесь стояли дома, замощены были улицы. Там, где нашли склянки, была когда-то немецкая аптека. Где изразцы — там стоял дом с изразцовой печкой. Все это стояло на поверхности земли. Почему же все это ушло под землю?

А почему остатки всех древних городов археологи находят глубоко под землей? Потому что человек столетиями сам наращивает почву. Он строит дом, и строительный мусор, щепки, остатки глины, — ведь все это не вывозили за сто верст, — это оставалось тут же, поблизости. Люди привозили в город на базар с собой груды всяких припасов и заодно грязь со всех дорог. Жители выбрасывали всякую рухлядь. Гарь от всех пожаров оставалась на месте. Так из отбросов городской жизни создается новая почва, так называемый „культурный слой". Хочешь найти остатки древней жизни — вкапывайся в землю.

Но метростроевцы находили сооружения москвичей не только в „культурном слое". Они натыкались на настоящие подземные сооружения — на подземные ходы.

Вот что нашли под землей проходчики метро. Эти вещи лет двести пролежали в земле.

Несколько столетий назад древние москвичи самыми простыми лопатами дёсятки лет, как кроты, рыли подземный ход и выкладывали его изнутри кирпичными сводами.

Из Кремля, из крепости, обнесенной стеной, вел этот подземный ход и выходил где-нибудь в малозаметном месте; в случае осады врагами это был единственный путь для военной вылазки, ход для разведчиков, путь для продовольствия.

Если бы люди, заложившие город несколько сот лет назад, предвидели, что их потомкам придется строить метрополитен, они выбрали бы место повыше. Москва находится на одном из самых низких мест Московской области, и все подземные воды стекаются к ней. По Москве когда-то протекали двадцать две речки. Их нет теперь на поверхности. Но подземная разведка нашла все эти двадцать две речки и оставшиеся от ледников огромные камни — валуны — и мокрый песок — плывун.

До ледников на месте Москвы было море. Глинистое дно этого моря лежит на глубине около 20 метров. Выше лежат глины и пески ледников. Над ними несколько метров „культурного слоя" почвы, насыпанной за столетия человеком, пока он строил дома, мостовые, перекапывал землю и сваливал мусор.

Лучше всего проводить туннель под песками, в крепкой глине бывшего морского дна. Но кое-где эта глина смыта речками Неглинкой, Ольховкой, Чечерой и Рыбинкой. Они протекают в трубах под землей и до сих пор сохранили свои названия.

5*

Труднее всего проводить туннель в жидком грунте, в песке-плывуне. Вода — самый опасный противник строителей туннеля. А воды много в подземной Москве.

В Берлине, Париже, Лондоне, Нью-Йорке, в крупнейших столицах мира, есть уже метрополитен. Слово метрополитен означает в переводе „столичный". Московские купцы в 1900 году собирались строить метрополитен, да так за семнадцать лет, до самой революции, ничего и не сделали, даже почвы не изучили.

Кроме того, у купцов нашелся противник: московский митрополит—духовное лицо, главный начальник церквей и попов.

„Так как туннели метрополитена в некоторых местах, — писал митрополит, — пройдут под храмами на расстоянии всего лишь трех аршин, то святые храмы умалятся в своем благолепии".

Митрополит испугался метрополитена.

В Берлине, Париже и Лондоне метро строили по-разному. В Берлине — открытым способом: рыли на улице котлован, по дну проводили рельсы, укрепляли стены, потом перекрывали их стальными балками и сверху накладывали мостовую. В Париже строили закрытым способом, но тоже неглубоко в земле. В Лондоне туннели проводили глубоко, до 60 метров под поверхностью земли.

У нас спорили о том, какой метод лучше, и решили применить все три. В малонаселенных местах мы роем котлованы, а в центре выбираем наиболее удобные слои почвы и зарываемся в землю.

Проходчик в шахте метро. В руках у него отбойный молоток.

Сначала строители начинают рыть колодец и роют, пока не появляется вода. Появилась вода — рыть нельзя: надо убрать воду. Вычерпать ее — не поможет: новая наберется. Попробуйте вырыть ямку во влажном песке — сразу натечет вода.

Воду нужно прогнать, и ее прогоняют сжатым воздухом. Над мокрым грунтом роют котлован. В котлован ставят кессон — закрытую воздухонепроницаемую камеру. В нее нагнетают воздух. Уйти ему некуда: стены и потолок из железобетона. Остается пол — это мокрый грунт: вода и песок. Давление воздуха оттесняет воду — песок становится сухим. Пока кессон под давлением, песок можно рыть, не боясь, что вода зальет камеру. Грунт роют, кессон опускается ниже и ниже, пока не опустится до слоя, в котором должен пройти туннель. Теперь нужно итти не вниз, а вбок. Вместе с кессоном опускают первый кусок готового туннеля. Стены его из железобетона — никакая вода ему теперь не страшна. Из него можно вгрызаться в грунт в обе стороны. Проходчики берут отбойные молотки и начинают свою работу.

Они вгрызаются в грунт, укрепляют его деревянными балками, чтобы не осыпался, расширяют его, идут дальше; за ними откатчики вывозят породу на вагонетках, а бетонщики бетонируют стены и свод.

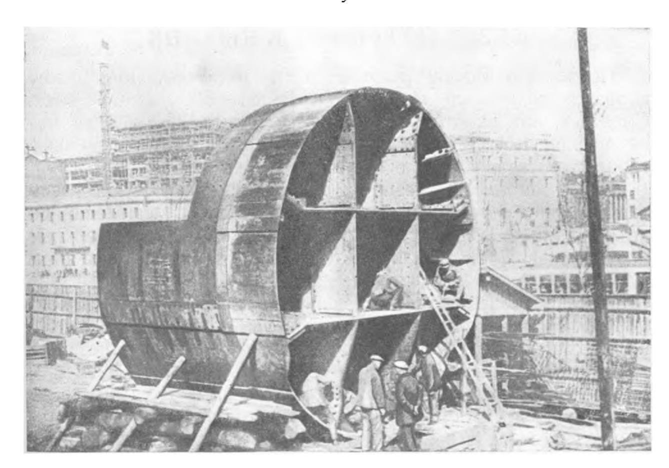
Молодые проходчики бьются с упрямым грунтом холодным оружием. Острие отбойного молотка похоже на штык. Но это механизированный штык: струя сжатого воздуха заставляет его частыми ударами бить в породу, и стук его похож на треск пулемета.

Под землей работают и подрывники. Они бурят перфораторами твердые грунты и взрывают их аммоналом.

Наконец, на помощь отбойным молоткам и аммоналу приходят подземные танки — щиты.

СТАЛЬНАЯ ЧЕРЕПАХА

По величине щит не уступит большому танку и весит столько же, сколько два паровоза. Это огромный стальной цилиндр, лежащий набоку. Он называется щитом потому, что защищает рабочих от обвалов. Как гигантская подземная черепаха, он медленно и упорно движется на огромной глубине, и ничто его не может остановить: ни плывуны, ни глина, ни известняки.

Собирают щит. На перекладинах его будут стоять люди с отбойными молотками.

С невероятной силой, давлением в 125 тонн, края его врезываются в породу. В передней его части сделаны перекладины-площадки. С этих площадок ему помогают комсомольцы-проходчики своими отбойными молотками. Щит продвигается на полметра, и сразу в его хвосте по всему кольцу туннеля укладывают блоки — это тяжелые бетонные части трубы. Из них выкладывается бетонное кольцо. Щит проходит и оставляет за собой готовый туннель диаметром в девять метров. Здесь могут свободно разойтись два вагона метро.

Подземные инженеры изобретают военные хитрости против камня, воды и песка.

На проходке лестниц тоже попадается мокрый грунт. Лестницы проходят с наклоном в 30 градусов. Кессон применять нельзя. Тогда придумали способ замораживать этот мокрый грунт. Замораживают его машинами. В мороженном грунте пробивают ход для лестницы, накрепко изолируют стены, и в мокром грунте остается совершенно сухая бетонная труба. Там, где неудобно замораживать, песок превращают в камень. Огромными шприцами в грунт впускают жидкое стекло и хлористый кальций. Когда стекло затвердеет, грунт превращается в камень, которому не страшна никакая вода.

ФИЗКУЛЬТУРНИКИ В КЕССОНЕ

Подземную Москву роют по десяти радиусам. Под Москву вкопался подземный метрогород. В нем 80 тысяч человек. Сменяясь, они работают там круглые сутки. Под землей нет ни дня, ни ночи. Когда надземная Москва спит, подземный город работает.

Надев комбинезон, резиновые сапоги, широкополую брезентовую шляпу, спускаешься в шахту, держась за железные поручни, по узким лестницам. Лестница в глине; перекладины мокрые и скользкие. По пяти или шести лестницам спускаешься вниз. В туннеле днем и ночью электричество. По мокрому дну проложены рельсы; по ним движутся вагонетки — они отвозят породу. Ребята и девушки в одинаковых брезентовых комбинезонах похожи друг на друга. Они толкают вагонетки и хлюпают резиновыми сапогами по лужам.

Рабочие почти все сплошь комсомольцы. Десятки тысяч комсомольцев ушли под землю. Ударными бригадами врезаются они в известняк и в глину; они замораживают пловучие пески и работают в кессонах.

В кессонах не всякому можно работать. На каждого человека, живущего на земле, воздух давит с силой одной атмо-

сферы. В кессонах воздух сжат и давит на рабочих-кессонщиков с силой двух и трех атмосфер. К этому нужно привыкнуть. В кессон нельзя входить сразу из обычного давления. Нужно пройти через воздушные шлюзы, где давление увеличивается постепенно.

Сначала щит работал под обычным давлением в сухом грунте. Когда он наткнулся на плывун, появилась надобность в кессоне, и многие рабочие не могли остаться работать. Врачи запрещали им итти в кессон.

Тогда Каганович обратился к комсомольцам-кессонщикам, чтобы они выделили лучших ребят на щит. И на щит пошли самые крепкие и смелые комсомольцы — физкультурники и ворошиловские стрелки.

ВСТРЕЧА ПОД ЗЕМЛЕЙ

Самые горячие дни в шахтах были тогда, когда два комсомольских отряда шли сквозь землю на соединение друг с другом. Надо было точно рассчитать проходку, чтобы оба отряда попали в цель и не прошли мимо. Когда до сбойки двух туннелей на пятой дистанции оставалось десять дней, ребята совсем ошалели и вообще не хотели вылезать из шахты. Поработают свои шесть часов, отдохнут немного и опять шесть часов работают. Некоторых приходилось насильно вытаскивать. Комсомольцы во что бы то ни стало хотели оставить у себя переходное знамя. И оставили.

Через три дня стена, которую они буравили, обвалилась, и в провал они увидели знакомых ребят из соседней шахты, которые шли к ним навстречу. Через три дня вместо десяти!

Когда проходчики 12-й комсомольской шахты работали под площадью Свердлова у Большого театра, вдруг случился обвал: часть штольни обвалилась. В первую минуту подумали, что провалился Большой театр: такой страшный грохот раздался в шахте. Поднялась тревога. Оказалось, однако, что обвалился старый колодец. Он был забит мусором и залит асфальтом, а когда проходчики к нему подошли, столетний колодец с шумом рухнул. А шум гулко разносится по штольням.

Нужно было пойти крепить штольню. Было опасно. Горные породы обваливаются пластами. За колодцем мог рухнуть новый пласт. Трое молодых рабочих: член партии Макаревский, комсомолец Алешин и Москвин — восемь часов закладывали перекладины и делали перекрестное крепление. А шахта каждую минуту могла обвалиться. Сделали они свое дело хорошо, и дальше было снова безопасно работать.

МУЖЕСТВО КОМСОМОЛЬЦЕВ

В другой шахте засорился насос, который откачивает воду. Пока туннель еще не готов, в шахту всегда немного просачивается вода. Ее приходится откачивать. Насос засорился, и шахта стала наполняться водой. Один комсомолец подошел исправить насос. Пока он работал, вода все прибывала и прибывала. Он очутился по горло в воде. Поработав так целый день, он ушел только тогда, когда починили насос.

Так работали под землей московские комсомольцы. Каких только профессий не было среди них: и слесаря, и пекари, и вязальщицы, и текстильщики, и наборщики типографии...

На земле шла слава про лучшие подземные бригады. Это были бригады комсомольцев.

ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР

Лазарь Моисеевич Каганович в спецовке метростроевца.

Иногда в шахтах совершенно неожиданно появлялся Лазарь Моисеевич Каганович. Секретарь Московского и Центрального комитетов партии не полагался только на одни доклады начальников. Какой бы ни был хороший начальник, а свой глаз вернее! Метростроевцы любовно называли Кагановича главным инженером Метростроя. А он инженером никогда и не был. Был прежде рабочим-кожевником.

Когда он выступал на собраниях метростроевцев, поддевал начальников и показывал их промахи, ребята удивлялись.

— Откуда бы ему знать про все тонкости темного подземного дела?

Каганович поднял всю Москву на стройку метро. Для метро работали многие московские заводы. На субботниках в помощь метро работали сотни тысяч москвичей. Слова Кагановича о метро были написаны на плакатах, висящих в каждой вышке:

„Строить метро так, чтобы нигде не капало".

Эти слова Кагановича часто повторяли под землей.

ЛУЧШИЙ МЕТРО В МИРЕ

Теперь первая очередь метрополитена уже построена, и в нем нигде не капает. Это лучший метро в мире. В парижском метро душно и сыро. В Лондоне поезда задерживаются на подземных перекрестках. В Берлине они выскакивают на поверхность и мчатся с грохотом и лязгом, сотрясая дома и оглушая людей.

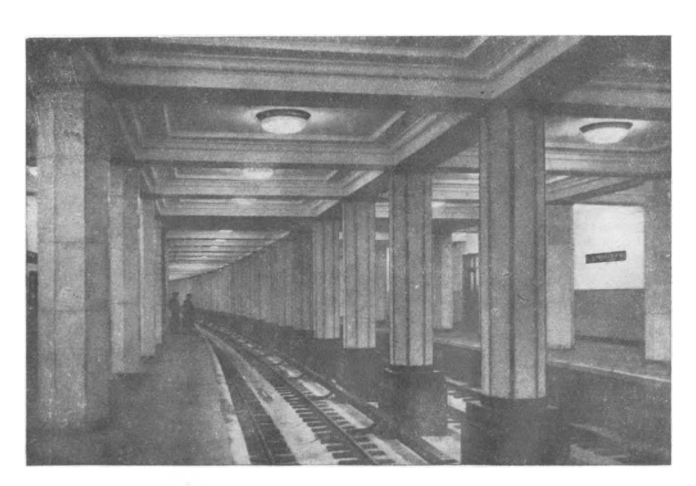
В туннелях московского метро всегда чистый воздух и ров-

Лазарь Моисеевич Каганович.

Вдаль уходит туннель. Он освещен. Ничто не стоит на пути поезда метро.

Станция метро „Улица Коминтерна". Между путями — тридцать колонн. Они отделаны мрамором.

Станция „Красные ворота". Это самая глубокая станция метро. Она лежит на глубине в 43 метра.

Конечная станция — „Сокольники". За восемнадцать минут сюда можно примчаться с другого конца Москвы.

ная температура. Одна линия нигде не пересекает другие. Пешеходы и не чувствуют, что под ними мчатся быстрые поезда метро.

Движущиеся лестницы — эскалаторы — со скользящими перилами спускают пассажиров к платформам. По эскалаторам люди поднимаются и опускаются вдвое быстрей, чем по обычной лестнице: и лестница двигается, и сам в это время сходишь со ступеньки на ступеньку.

Каждые пять минут к подземной платформе подходит поезд из шести или восьми вагонов. Тысячу пятьсот пассажиров берет каждый поезд метро. В каждом вагоне — по четыре широких двери. Все двери открываются одновременно. За двадцать секунд вагоны выпускают всех пассажиров и принимают новых. Поезд так устроен, что пока двери открыты, он не может двинуться с места. Двери захлопываются все в одно время, и за стенами вагона не остается ни поручней, ни подножек, ничего, за что можно было бы уцепиться.

Поезд мчится со скоростью шестидесяти километров в час За восемнадцать минут он пролетает целую линию — от Крымской площади до Сокольников. Поезд летит, и ничто не стоит у него на дороге. Нет перекрестков, нет встречных поездов. На пути нет ни людей, ни животных, ни автомобилей. Рельсы чисты — путь свободен.

Первыми пассажирами метро были делегаты седьмого съезда советов и самые лучшие ударники Метростроя. Лазарь Моисеевич Каганович, конечно, был среди них.

Ударники московских школ на эскалаторе.

ГЛАВА О БУДУЩЕМ

Вот я пишу эту главу о будущем. А когда она попадет в руки читателю, многое из этого будущего станет настоящим. Люди привыкнут к нему и скажут: ну, какие же это чудеса? Ничего особенного.

Москвичи привыкнут к метро, как привыкли к трамваю, и без метро не будут представлять себе Москвы, так же как Днепр теперь не представишь себе без Днепрогэса. А раньше, подумаешь о Днепре, сразу вспомнишь днепровские пороги. А их-то и нет.

Вторая пятилетка изменит очень много в наших привычных представлениях.

Средняя Азия в царское время была частью Российской империи. Но это была враждебная часть. Так и писали в некоторых книжках по географии: „Среднюю Азию населяют враждебные русскому народу дикие племена".

„Дикие племена" возделывали хлопок. Хлопок этот шел за несколько тысяч километров в центральную Россию. Там на московских и ивановских фабриках из него делали ситец. Ситец из туркестанского хлопка обходился дороже, чем из заграничного — американского. Хлопок путешествовал несколько тысяч километров, чтобы стать ситцем, и в виде ситца проделывал те же тысячи километров, чтобы одеть „дикого" дехканина, туркестанского крестьянина, который его сеял и собирал.

ДИКИЙ ПОМЕЩИК

Много лет тому назад дворянский делегат в государственной думе, курский помещик Марков второй, показывая рукой на восток, сказал:

— Надо помнить, господа, там живут киргизы. Это грязные потомки Тамерлана и Чингиз-хана. С ними следует поступать так, как поступают с краснокожими в Америке.

Краснокожих в Америке почти не осталось: их уничтожили белые пришельцы из Европы.

Русские купцы и думать не могли строить фабрики во враждебной, далекой, дикой стране, хотя она и была частью России.

Во второй пятилетке около Ташкента будет выстроен огромный текстильный комбинат. Этот комбинат будет выпускать 70 тысяч километров ткани в год. Этой тканью можно будет двадцать раз выложить дорогу от Ташкента до Иванова.

Среднеазиатские республики, бывшая хлопковая колония царской России, становятся передовыми, промышленными странами.

Кочевые туркмены, которых генерал-губернатор Туркестана Кауфман приказывал „предать полному уничтожению", становятся из отсталого культурным народом. В Средней Азии 25 вузов; в них учатся 13 тысяч студентов. Многие потомки Тамерлана, о которых с таким презрением говорил помещик Марков второй, стали за это время и ученей и культурней его.

Марков же второй как был, так и остался диким помещиком, со звериной ненавистью к трудящимся людям. Только поместья-то у него не осталось, да и самого его революция выгнала из России.

На окраинах Советского союза во второй пятилетке вырастет новая промышленность. В Средней Азии будут вырабатывать текстиль, добывать нефть и медь, в Казакстане уже добывают уголь и металл.

В Дальневосточном крае выросла мощная промышленность.

Столицы окраинных республик становятся центрами нашей страны.

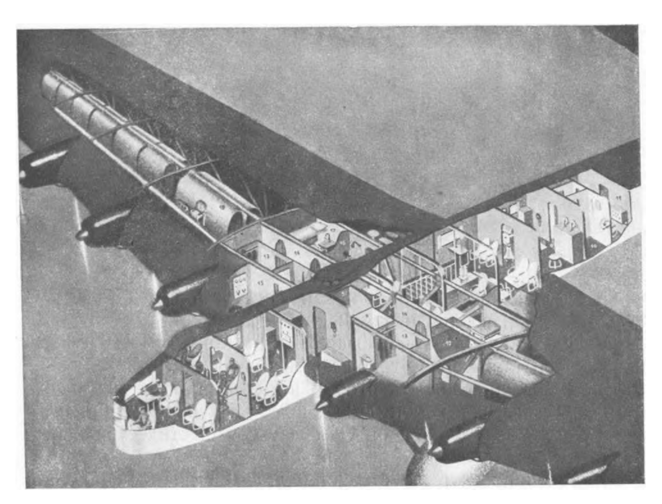
НАСТУПЛЕНИЕ НА ВОЛГУ

Волга — первая по длине река в Европе. Она несет в Каспийское море воду, которая стекает чуть ли не с половины европейской части Союза, — огромную массу воды. Она протекает по огромному краю, названному ее именем: Поволжьем. Это богатейший хлебный край, который в иные годы кормил всю Россию. Здесь были самые богатые урожаи, если весной проходили дожди, и самый страшный голод в засуху. В Поволжье бывал такой голод, что в деревнях не оставалось ни одной собаки, ни одной кошки: всех поели, и были даже случаи, когда люди ели людей.

В первой пятилетке мы взнуздали Днепр. Поднятый на 37 метров, Днепр дал возможность оросить приднепровские поля.

Во второй пятилетке на очереди Волга. Мы начнем перегораживать Волгу и строить электростанции одну за другой в девяти местах. Поволжье из сельскохозяйственного края станет краем фабрик и заводов. И поволжские хлеба получат воду для орошения полей из реки, которая до сих пор была только водной дорогой.

Так во второй пятилетке мы начинаем борьбу с засухой.

Разрез „Максима Горького". Эскадрилья таких самолетов скоро полетит над советской землей.

КРЫЛАТЫЙ ДОМ

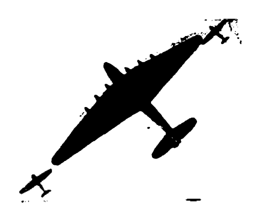
В предыдущей главе было написано о стране будущего:

„Над ней полетят воздушные поезда. Люди будущего рассядутся в удобных креслах; они, не вставая с места, будут говорить друг с другом по телефону, а со своими друзьями на земле по радио".

Шестнадцать таких летающих домов поднимутся скоро над советской землей. Мы точно знаем, какими они будут,— мы уже видели „Максима Горького" над Москвой.

Это был большой дом со своей электрической, телефонной и радиостанцией. В нем работало сорок человек. И странно было видеть, как эта махина вдруг срывалась с места, с огромной быстротой бежала по полю и взлетала на воздух.

Она летала над полями, над лесом, над другими — нелетающими — домами, над улицами столицы. А люди в ней продолжали работать: кто пишет, кто читает, кто возится у машин. Буфетчик отпускал бутерброды и горячий чай, радист сидел в своей радиобудке, машинистки — за пишущими машинками. Люди спокойно ходили по своему летающему дому и совер-

„Максим Горький".

шенно не думали, что у них под ногами не твердая земля, а ветер и облака, воздух и туман.

„Максим Горький" был флагманским кораблем агитэскадрильи имени Горького. Это был самый большой в мире сухопутный аэроплан, гордость второй пятилетки. Этот летающий дом-редакция весил сорок две тонны — две с половиной тысячи пудов — и летал со скоростью двухсот шестидесяти километров в час.

Этой машине не были страшны туманы и вихри, спокойно и уверенно вели ее летчики-орденоносцы. Если бы не ухарство летчика другого самолета, который врезался в крыло флагманского корабля,— он летал бы все годы, которые полагается жить такому гиганту.

Шестнадцать новых таких кораблей строит сейчас наша страна.

ПАРТИЯ В БОЯХ

Работает Уралмаш, готов Беломорско-Балтийский канал. Строится в Москве Дворец советов — дом, вершина которого поднимется за облака. Растут новые города, орошаются пустыни. Советские люди выводят новые породы животных. Советские люди летят в стратосферу, проходят новые морские пути в северных морях.

Это идут работы второй пятилетки — пятилетки построения социализма.

Партия добилась своих побед в бою с оружием в руках против белых генералов, помещиков и капиталистов и в постоянной борьбе со всеми, кто пытался повести партию по неверному пути.

История нашей страны знает позорные имена людей — трусов и предателей, которые в самые решающие минуты наших боев предавали партию и рабочий класс.

Среди этих имен, рядом с именем предателя и контрреволюционера Троцкого, стоят имена Зиновьева и Каменева.

Когда в октябре 1917 года Центральный комитет партии решил поднять восстание, он держал это решение втайне от буржуазии. Зиновьев и Каменев не только голосовали против восстания, против Ленина и Сталина, но еще и выдали это решение буржуазии. Ленин тогда писал про них:

„В том-то и состоит безмерная подлость, настоящее изменничество этих лиц, что они перед капиталистами выдали план стачечников".

Когда партия и рабочий класс, несмотря на это предательство, завоевали власть, двое изменников настаивали на том, чтобы разделить эту власть с меньшевиками и эсерами — прямыми помощниками буржуазии.

Прошло семь лет. Советская страна отбилась от белогвардейцев, восстановила хозяйство, разрушенное войной; несмотря на трудности, партия повела страну к социализму. Но перед новыми трудностями снова попятились старые предатели:

— Нет, нельзя в нашей стране построить социализм! Не выйдет дело!

Партия не послушала Зиновьева. Еще теснее объединилась она вокруг Центрального комитета, руководимого товарищем Сталиным.

Зиновьев же в злобе против партии вместе с троцкистами выступил против ЦК. Партия наша сильна своим единством — Зиновьев старался его разрушить. Вместе с Троцким он устраивал подпольные собрания и демонстрации против партии. Мы разгромили Троцкого, выбросили его из советской страны. Зиновьев и Каменев притворились, что признали свои ошибки, потом снова пытались бороться против партии, потом снова каялись и снова предавали революцию.

А в Ленинграде, где Зиновьев когда-то яростно боролся с партией, от тех времен притаилось гнездо его выкормышей. Многие годы они копили злобу против партии. Многие годы, притворившись ее сторонниками, связавшись с такими же двурушниками и предателями в Москве, они ждали, когда можно будет снова поднять свое оплеванное и опозоренное антипартийное знамя. И не дождались. Партия победила, а горсточка бессильных и злобных людей даже не осмеливалась пойти к рабочим, потому что знала, какой отпор бы им дали пролетарии города Ленина.

В Москве и Ленинграде они организовали подпольные контрреволюционные группы. Ими руководил Зиновьев, кото-

рый на словах клялся в верности партии, а на деле стоял во главе этих предателей.

Отчаявшись в том, что они когда-нибудь привлекут на свою сторону рабочий класс, изменники, воспитанные трусами и предателями, решают подлым убийством вырвать из рядов партии ее лучших бойцов.

Всю жизнь провел в боях на самых боевых партийных постах один из лучших соратников и близких друзей Сталина — Сергей Миронович Киров.

Сергей Миронович Киров — Сережа Костриков — двадцатилетним юношей организует подпольную типографию. Четыре года жили полицейские прямо над ней и не могли ее найти. В 1918 году, переходя под пулями фронты, Киров мирит враждующие кавказские племена и ведет их на белых. В 1920 году он ведет полки 11-й армии на занятый белыми Кавказ. С 1926 года Сергей Миронович — вождь ленинградских большевиков. Он беспощадно борется с зиновьевской антипартийной группой в Ленинграде и, как всегда, ведет рабочих от победы к победе.

И этого человека, бесстрашного вождя, несгибаемого большевика, сразила пуля агента фашистской зиновьевско-троцкистской группы — пуля убийцы, изменника и мерзавца Николаева.

Миллионы рабочих и колхозников провожали убитого врагами вождя. Миллионы рабочих и колхозников поклялись отомстить за Кирова, поклялись добиться окончательной победы социализма, за который он отдал жизнь. Провожая Кирова в последний путь, миллионы людей вспоминали его речь на семнадцатом партийном съезде.

Киров говорил:

„Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить! На самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт!"

Да, это факт!

И новые города, и оживающие пустыни, и подземные дороги, и воздушные поезда, и гигантские электростанции, и огромные площади посевов без межей.

Мы беспощадно уничтожили негодяев, которые осмелились поднять руку на наших вождей, но мы должны помнить, что классовый враг еще не добит. Чем больше наши победы, тем ближе видит он свою окончательную гибель, тем яростней он сопротивляется. Он меняет кожу, старается нас обмануть, чтобы еще сильней навредить и напортить.

Мы должны разоблачать врага всюду, куда он ни проникнет, какую маску ни наденет.

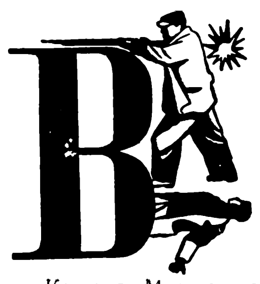
Сергей Миронович Киров.

Быть бдительным везде: на вышке, где стоят дозорные охраны урожая, у машины, у станка, у штурвала корабля, на советской границе — на любом посту, куда поставят нас партия и рабочий класс!

Подлому врагу револьверной пулей удалось убить Кирова, но никаким врагам никакими пулями не удастся свалить партию и остановить рабочий класс на его победном пути к социализму.

ГОТОВИТСЯ ШТУРМ

КРАСНАЯ МОСКВА И КРАСНАЯ ВЕНА

В ДНИ, когда рабочие Москвы выходили на улицы приветствовать партийный съезд, вышли на улицы и рабочие города Вены.

Вена — огромный город, в нем три миллиона жителей. Вена напоминает Москву. В ней так же одни улицы радиусами расходятся из центра, другие кольцами их пересекают. На этом сходство Вены с Москвой кончается.

Когда в Москве шел партийный съезд, все дома были украшены флагами, и даже трамваи бегали с красными флажками на крышах. В это время улицы Вены были перегорожены колючей проволокой и по каждому красному флагу, вывешенному над домом, били снаряды артиллерийских орудий.

Дело началось утром двенадцатого февраля. Во Флоридсдорфе, рабочем районе Вены, была объявлена забастовка, и шуцбунд стал готовиться к выступлению против фашистов. Фашисты грозили запретить рабочие организации и разогнать шуцбунд.

Шуцбунд означает по-немецки „Союз защиты". Это военная организация австрийских рабочих. Шуцбундовцы были на все готовые боевые ребята, люди, которые в смелости не уступали московским дружинникам 1905 года или сибирским красным партизанам.

Они были бы непобедимы, если бы их вожди не оказались предателями.

СТАРЫЕ ОБМАНЩИКИ

Вожди социал-демократической партии много лет обманывали рабочих и удерживали их от борьбы. Они уверяли рабочих, что так учил Карл Маркс, и рабочие верили им. Социал-демократы сознательно перевирали учение Маркса. Маркс был великий революционер: он учил рабочих смело итти на борьбу с капиталистами и брать власть в свои руки.

Вожди шуцбунда всегда были трусами и предателями, но шуцбундовцы поняли это слишком поздно. Двенадцатого февраля утром, когда рабочие собирались выступать, они еще этого не знали.

Между тем правительство не дремало. В Вену были стянуты войска. По улицам маршировал хеймвер — войско из кулацких сынков. Их стянули в Вену.

Вожди шуцбунда в то время, когда нужно было собирать оружие, организовать связь между районами и строить укрепления, вели переговоры с правительством. Они во что бы то ни стало старались удержать рабочих от выступления. „Никакого наступления, только оборона", говорили они. В рабочем же восстании оборона — это смерть. Восстание нужно подготовить так, чтобы неожиданно напасть на противника. Если хорошо подготовиться, научиться уличному бою, постройке баррикад, то можно успешно драться с войсками. Можно так подготовить восстание, что каждая рабочая квартира будет, как укрепленный окоп.

Рабочие Флоридсдорфа не послушались вождей и выступили первыми. Утром они объявили забастовку.

Остановилась электростанция, перестал работать водопровод, заводы стали.

ГЕРОИ ФЛОРИДСДОРФА

Правительство могло заставить работать все свои пулеметы, но это не помогло бы ему пустить в ход хотя бы один станок. Флоридсдорф перестал работать, и люди вышли на улицу. Полицейские ничего не могли с ними сделать. В своем районе рабочие были хозяевами.

К вечеру шуцбундовцы привели свои отряды в боевую готовность. Они достали спрятанное оружие. Рабочие вооружились винтовками. Появились даже пулеметы.

Вооруженные отряды окружали полицейские участки. Шуцбундовцы отбирали у полицейских оружие и вооружали новые отряды рабочих.

В первый же вечер они захватили все полицейские участки и пошли выбивать войска с Северного вокзала. Занять вокзал было очень важно: по железной дороге правительству могла притти помощь.

У рабочих было уже достаточно пулеметов. Северный вокзал они взяли штурмом. Только они заняли вокзал, как увидели, что к ним движется бронепоезд. Его нужно остановить во что бы то ни стало, пока он еще далеко. А как остановишь эту бронированную крепость? Артиллерии бронепоезда ничего не стоит разгромить вокзал, и никакая пуля не пробьет его толстенную броню. Разобрать путь перед ним не поспеешь, а поезд идет к вокзалу на всех парах.

Оставалось только одно средство спасения: снять неприятельского машиниста. И на полном ходу поезда, на далеком расстоянии, рабочий-снайпер выстрелом из винтовки снял машиниста. Бронепоезд был остановлен.

Войска окружили флоридсдорфцев со всех сторон. Они не знали, что делалось в других районах. Войска наступали по определенному плану. У них было единое командование. Шуцбундовцы дрались отдельными отрядами. Главные вожди шуцбунда оставили рабочие отряды без руководства и убежали за границу.

Рабочие отчаянно защищались. Ни одного дома не сдавали без боя. Пулеметы пристраивали на столах, придвинутых к окнам. Стекол давно уже не осталось в рабочих квартирах.

Один рабочий-пулеметчик засел в укрепленном месте и был засыпан ручными гранатами. Они взрывались, не задевая пулемета: он был хорошо защищен. Пулеметчик спокойно строчил по наступающим войскам, но одна граната упала очень близко, всего в двух метрах от пулемета, и еще курилась. Граната ведь взрывается не сразу, а только через несколько секунд после того, как ее бросят. Граната курилась — вот-вот взорвется. Надо бежать или ложиться на землю, чтобы осколки не задели. Но тогда погибнет пулемет. Пулеметчик не убежал от гранаты, а подскочил к ней и схватил ее, чтобы отбросить в сторону. Она взорвалась в его руках. Пулеметчика разорвало на куски, но пулемет был спасен, и место убитого сейчас же занял другой товарищ.

ПОЖАРНАЯ ДРУЖИНА

Бок-о-бок с шуцбундовцами Флоридсдорфа дралась пожарная рабочая дружина во главе с инженером Вейсселем. Пожарных было шестьдесят человек. Против них было шестьсот сол-

Следы пуль и снарядов на одном из венских домов.

дат и полицейских. Целый день пожарные сдерживали наступление войск, которых было в десять раз больше.

Пожарные, привыкшие к огню пожаров, стойко держались против артиллерийского и пулеметного огня. Они отступили только тогда, когда против них были пущены удушливые газы. Войска не смогли сломить восставших в открытом бою и отравили их газом, против которого пожарные были беззащитны. Они падали, задыхаясь, у баррикад и колючей проволоки. Беспомощных, отравленных людей солдаты закалывали штыками.

Но рабочие не сдавались. Войска заняли один из домов и подняли на нем фашистский флаг. Шуцбундовцы решили сорвать этот флаг. Один шуцбундовец взялся выполнить поручение товарищей. Он перешел через линию огня, пробрался в дом, влез на крышу и сорвал флаг. Перед тем, как уйти из дома, занятого войсками, он его поджег.

Рабочие дрались во всех районах Вены. Но Флоридсдорф держался дольше других. Войска били по Флоридсдорфу артиллерией, поливали из пулеметов, засыпали гранатами, пускали удушливые газы, но взять его не могли. Не могли взять Флоридсдорф в открытом бою и взяли его подлостью.

Войска пригнали на передовую линию огня женщин и детей из других районов. Жены рабочих и их дети стояли между

Шуцбундовцы.

войсками и шуцбундом. Это обезоружило рабочих. Они не могли стрелять по войскам, не убивая женщин и детей. Рабочие не могли стрелять по детям.

СЕМЬДЕСЯТ КИЛОМЕТРОВ В БОЮ

Шуцбундовцы Флоридсдорфа выдержали пятьдесят часов непрерывного боя. Они ни минуты не спали и ничего не ели. В других районах рабочие были уже разбиты. Положение было безнадежно. Но они решили ни в коем случае не сдаваться, а отступить в боевом порядке к чехо-словацкой границе.

Из восьмисот защитников Флоридсдорфа часть пала в бою, часть была ранена, часть не успела выбраться из домов. Небольшой группой с тремя пулеметами, ручными гранатами и карабинами шуцбундовцы двинулись к границе. За ними были посланы полицейские самолеты и броневики. Шуцбундовцы прошли семьдесят километров до границы в непрерывном бою. Чехо-Словакию от Австрии отделяет река Марч. На ней не было ни лодок, ни мостов. Шуцбундовцы бросили оружие в реку, чтобы оно не досталось врагам, и вплавь, при двухградусном морозе, добрались до чехо-словацкого берега.

ПОДЗЕМНЫЕ ТОЛЧКИ

В Пулкове есть сейсмическая станция Академии наук. Она отмечает землетрясения. Стоит случиться землетрясению в любом месте земного шара — в Японии, в Новой Зеландии, Южной Африке, — как стрелка тончайшего прибора — сейсмографа — отмечает время и место этого землетрясения.

Рабочие восстания и революции колеблют почву на всем земном шаре. Разверните газету: на ней, как на ленте сейсмографа, занесены все толчки, которые революция наносит старому миру: забастовка в Северной Америке, баррикады в Амстердаме, митинги в Париже, голодные походы в Англии, восстания в Мадриде, в Барселоне, в Астурии...

Возьмите глобус или карту полушарий. Отмечайте каждый день красной точкой место толчка и через месяц вы увидите, как оба полушария запестреют красными точками.

Кризис надвинулся на капиталистический мир. Он захватывает одну страну за другой, и в каждой стране останавливаются фабрики и заводы, потому что склады завалены мануфактурой, железом, зерном, и их некому стало продавать. По унылым окраинам больших городов бродят голодные люди — у них нет работы.

Кризис длится пятый год. Он охватил все страны мира, кроме СССР. В капиталистических странах жить становится все хуже и хуже.

Рабочие начинают волноваться. Буржуазии уже трудно справляться с ними. Раньше капиталисты управляли рабочими с помощью социал-демократов. Это было очень хитро устроено. Социал-демократы объявляли себя врагами капиталистов, но вместо того, чтобы вести рабочих в бой, они всякими способами удерживали их от борьбы.

В германском государстве социал-демократы еще два года тому назад занимали очень важные места. Они бывали даже министрами и начальниками полиции больших городов.

— Вот видите, — говорили они рабочим, — ваш представитель — министр. Не боритесь, не устраивайте революции. Он будет действовать в вашу пользу миром. С ним капиталисты считаются и слушают его.

На самом деле эти министры продались буржуазии и служили ей. При министрах социал-демократах рабочим жилось так же скверно, как и при всех других министрах.

Рабочие стали это понимать, и буржуазия увидела, что обманывать их таким путем больше не удастся. Она увидела, что никакие социал-демократы не помогут ей справиться с

революцией. И тогда германская буржуазия прогнала социал-демократов и передала власть фашистам. Фашисты — это партия капиталистов, которая открыто ведет самую жестокую и кровавую борьбу с рабочим классом и коммунизмом. Фашисты разогнали все рабочие организации и запретили коммунистическую партию. Фашисты посадили в тюрьмы десятки тысяч рабочих; они убили тысячи коммунистов, будто бы при попытке к бегству. Они ввели смертную казнь „за преступления против родины" и топором отрубали головы лучшим людям рабочего класса за то, что те боролись против фашизма.

Фашисты выслеживают коммунистов и охотятся за ними. Компартия запрещена, а каждому коммунисту грозит долголетняя тюрьма или топор палача.

Компартию запретили, но разогнать ее, как разогнали социал-демократов, фашистам не удалось. Коммунисты ушли в подполье и продолжают работать так же смело и самоотверженно, как когда-то в царской России работали русские большевики.

Коммунист Баймлер, которому удалось бежать из фашистской тюрьмы, рассказывает, как однажды к ним привели группу товарищей из Футцинга. Среди них было много комсомольцев. Вместе с другими их повели в камеру пыток. После первых десяти ударов резиновой дубинкой одного спросили:

— Ты все еще за коммунизм?

— Плох был бы я, если бы десять ударов могли выбить из меня мои убеждения, — твердо ответил комсомолец.

Это взбесило коричневых (фашистов называют коричневыми, потому что они носят коричневые рубашки). Комсомольца снова стали бить.

— Ну, а сейчас ты все еще за коммунизм?

— Вы можете бить меня до смерти — я готов умереть за советскую звезду, — ответил комсомолец.

БРОШЮРЫ ФИРМЫ ОППЕЛЬ

На углу людной, шумной улицы молодые ребята распространяют рекламные брошюры автомобильной фирмы Оппель.

— Покупайте машины фирмы Оппель! — кричат они. — Оппель — лучшая германская фирма. — Они суют в руки прохожих книжки, на обложке которых нарисовано большое автомобильное колесо. Когда прохожие раскрывают брошюру, они после похвал Оппелю находят совершенно неожиданно начало коммунистической брошюры под названием „Что делается в Германии".

Газетчики на берлинских улицах.

На другом перекрестке такой же людной улицы другие ребята раздают прохожим другую книжку. Это совсем невинная книжка. На обложке нарисован мальчик; он ест виноград. „Плоды и овощи сохраняют здоровье, — написано на обложке. — Ешьте плоды, питайтесь овощами". Мальчики, которые раздавали книжки, исчезли, а читатели после первых строк об овощах читают, как социал-демократы предали рабочий класс.

Так коммунисты работают почти на глазах у фашистов.

Конный полицейский.

ЗАГАДОЧНЫЙ ПОЕЗД

В Берлине поезда метрополитена, выходя из туннеля, пролетают по линии надземной железной дороги. Поезда проходят над шумными берлинскими улицами. И вот из одного поезда каждый день в одно и то же время, в одном и том же месте веером по улицам разлетались коммунистические листовки. Фашисты сопровождали каждый поезд, они не подпускали к окнам ни одного из пассажиров, и все-таки, когда поезд подходил к роковому месту, коммунистические листовки, как бабочки, разлетались по улицам. Фашисты никак не могли догадаться, в чем дело. Оказалось, что никто и не выбрасывал листовок из поезда. Пачки листовок аккуратно складывались между рельс, и ветром от проходящего поезда их разносило во все стороны.

Один из самых злобных врагов коммунизма, министр Геринг, сказал:

— Коммунизм в Германии продолжает гореть в подполье, и было бы безумием закрывать на это глаза.

Коммунистическая партия не выпускает красного знамени из своих рук. В разных концах земного шара рабочие подымаются на своих врагов. Когда фашисты осмелились выступить в Париже, рабочие во главе с коммунистами строили баррикады на парижских улицах. В советских районах Китая трехсоттысячная китайская Красная армия с успехом дерется против Чан Кай-ши.

— Народные массы, — сказал Сталин на семнадцатом съезде, — не дошли еще до того, чтобы пойти на штурм капитализма, но что идея штурма зреет в сознании масс, в этом едва ли может быть сомнение.

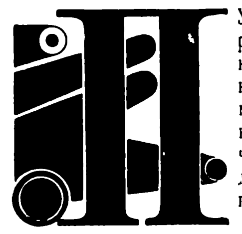
Идея штурма зреет в сознании масс. Эти крылатые слова облетели земной шар. Коммунисты всего мира видят, что они недаром сидят в тюрьмах, не напрасно бьются на баррикадах. Идея штурма зреет в сознании масс. Революция растет. Слова Сталина дают революционным рабочим новые силы, чтобы продолжать великую борьбу за коммунизм.

Рот фронт!

ВОЙНА И МИР

ПЕРЕД НОВОЙ ДРАКОЙ

УШЕЧНЫЙ гром, пулеметный треск да револьверные выстрелы — на таком языке разговаривают с рабочим классом капиталисты. Но это не означает, что между собой они живут мирно. Одна капиталистическая страна ждет минуты, чтобы вцепиться в горло другой. Чем дольше тянется кризис, тем хуже становятся отношения между капиталистами.

Кризисы бывали и раньше, но такого тяжелого и затяжного еще не было на свете. Он длится пятый год. Пятый год во всех странах, кроме СССР, фабрики и заводы работают в половину, в четверть своей силы, а многие и совсем не работают. Миллионы людей без работы.

Для того, чтобы пустить фабрику полным ходом, нужно найти рынок — место, куда сбывать готовые товары. Рынок для сильной капиталистической страны — это такая страна, где своих фабрик и заводов нет или очень мало. Каждая капиталистическая страна всячески старается проникнуть туда и стать там полным хозяином. Найти рынок не так просто. Рынки всего мира поделены между капиталистами, и для того, чтобы найти новый, одной стране нужно вытеснять другую.

Когда в капиталистических странах стоят текстильные, обувные, консервные фабрики, когда не работают домны, начинают усиленно работать другие фабрики и заводы: там отливают пушки, строят военные аэропланы, составляют смертоносные удушливые газы — и с каждым годом все больше.

ТЕХНИКА УБИЙСТВА

Прошлая мировая война не знала такого сильного оружия, какое есть теперь. В мировую войну самые быстрые самолеты-истребители пролетали 220 километров в час и подымались всего на 6 километров. Теперь истребители несутся вдвое быстрее и подымаются вдвое выше. За два часа стая таких истребителей может долететь из Парижа в Берлин или обратно и с огромной высоты забросать город бомбами.

Есть такое выражение: „бомбовая нагрузка". В мировую войну самолеты Англии, Франции и Америки все вместе могли поднять всего 40 тонн бомб: два с половиной груженых вагона. Теперь „бомбовая нагрузка" всех самолетов этих же стран — 2000 тонн бомб. Они могут поднять в воздух сразу 125 вагонов — целых два поезда, нагруженных одними бомбами.

Два года тому назад в Америке построили танк „кристи". Этот танк прозвали прыгающим танком, потому что он проходит по любой местности, „перепрыгивает" через рвы и окопы. Танку „кристи" не нужно ни рельс, ни хороших дорог. Он пойдет по лесу и по чистому полю.

Военные изобретатели ломают голову над тем, как бы изобрести настоящий летающий танк, такой танк, который действовал бы и как танк и как самолет. Такой „танколет" еще не изобретен. Зато уже пробуют перебрасывать танки самолетами.

Американский генерал Фрайс писал, что употребление газов в мировую войну было детской игрой по сравнению с применением газов в будущем. Мало того: капиталистические страны готовят такое страшное оружие, которое еще никогда не употреблялось: бактериологическое. Они изобретают способы насылать на неприятельскую страну такие болезни, как брюшной тиф, чума и холера.

В Германии изобретают реактивные снаряды. Они летят, как ракеты, силой отдачи. Один опытный снаряд был пущен в Германии и упал в Королевский парк города Осло в Норвегии, за шестьсот километров от места пуска.

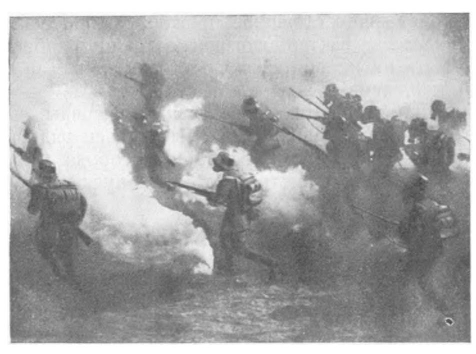
НЕТ МЕХАНИЧЕСКИХ СОЛДАТ

Когда такие смертоносные штуки приготовлены, они редко остаются без дела. Мир стоит перед новой войной. Буржуазных генералов смущает только одно: для того, чтобы все это оружие действовало, к нему нужно приставить очень много людей. На каждый аэроплан, который взвивается в воздух

Один из новых американских танков.

с летчиком и наблюдателем, нужно иметь 75 человек на земле: это солдаты-слесаря и солдаты-мотористы в ангарах, это охрана аэродромов, это военные метеорологи и много других земных людей, без которых летчики не могут летать по воздуху. К каждому пулемету нужно приставить двенадцать человек, к пушке — семьдесят. А большое количество людей опасно для буржуазной армии. Ее солдаты — это рабочие и крестьяне. Они могут повернуть стволы орудий совсем не туда, куда хотят генералы. Но до сих пор еще не изобрели оружия, которое стреляло бы без помощи солдат. Это очень волнует капиталистов, но все же вооружаться они не перестают.

Газовая атака.

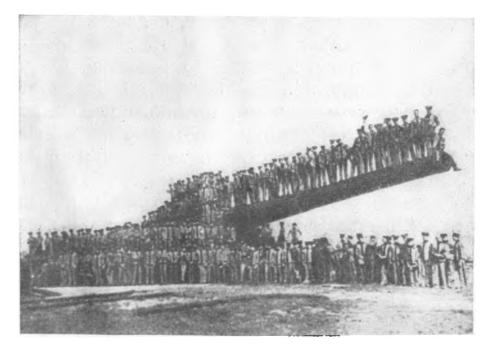

Танк во время учебной атаки.

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ

Многие буржуазные политики видят выход из кризиса только в войне. Некоторые открыто говорят, что войну нужно устроить против советской страны.

Товарищ Сталин сказал на партийном съезде, что такая война ничего хорошего буржуазии не принесет. Из всех войн которые она затевает, это будет самая опасная для нее.

Самое большое орудие американской армии. На стволе его выстроены кадеты — ученики военных школ.

Народы СССР за революцию будут драться насмерть. Пусть буржуазия не забывает, что у нее в тылу наши братья и друзья — рабочие и крестьяне. Если буржуазия начнет войну против нас, то рабочая революция может подняться у нее в тылу.

— Военные планы буржуазных политиков, — говорит товарищ Сталин,— не блещут ни умом, ни доблестью. А если буржуазия выбирает путь войны, то рабочий класс, доведенный до отчаяния кризисом и безработицей, становится на путь революции.

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ ЛИТВИНОВ

Очень трудно было советской стране бороться за мир, когда почти каждая буржуазная страна готовилась к кровавой войне.

Бороться за мир не так просто, когда на земле заготовлено столько оружия. Правда, почти ни одна страна не заявляет открыто всему миру: я хочу воевать. Наоборот, все они очень вежливо говорят друг другу, что желают только одного: чтобы на земле царил вечный мир.

Наш главный представитель перед всеми иностранными государствами — Максим Максимович Литвинов, нарком по иностранным делам. Это старый большевик, очень много сделавший для партии в подполье. Он заведывал переброской подпольной литературы из-за границы в Россию. И кличка у него была „Папаша". Сохранился его портрет тех времен. „Папаша" снят в вышитой рубашке, с длинными усами.

Максим Максимович Литвинов.

Теперь Максима Максимовича и не узнаешь по виду. Ему не приходится носить вышитую рубашку. Он часто надевает фрак и цилиндр. Но он остался тем же настойчивым и проницательным большевиком, которого невозможно перехитрить. И недаром иностранцы называют товарища Литвинова самым умным дипломатом в мире. При помощи Максима Максимовича нам удалось со многих „миролюбивых" дипломатов сорвать ангельскую маску мира и показать всем людям на земле звериное лицо зачинщиков войны.

БЕРЕГИТЕСЬ РАЗБОЙНИКА

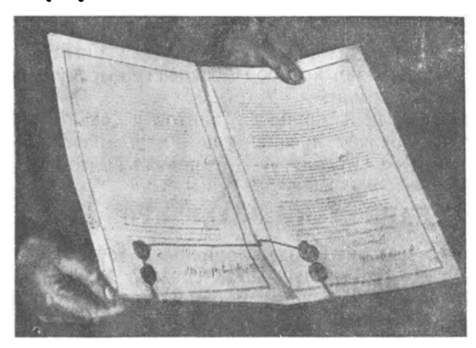
Мы предлагаем другим государствам: давайте сговоримся, что не будем нападать друг на друга. Напишем все это на бумаге и подпишемся. Остальные увидят, что мы с вами за мир, и сами поостерегутся начинать войну. Так мы договори-

Это военизированный отряд японских школьников.

лись со многими странами из тех, которые не собираются очертя голову воевать. Германии мы тоже предложили присоединиться к такому соглашению. Но она отказалась. „Видите, — сказали мы тогда всему миру, — вот кто открыто готовит войну". Правда, в дипломатических нотах не говорят такими словами, но смысл ясен всем, и империалистический разбойник разоблачен перед всем миром.

Максим Максимович много работал, чтобы заключить такие соглашения и другие договоры о мире. Все это ему удалось, потому что советская страна становилась крепче и крепче и слава про сильнейшую в мире Красную армию неслась из страны в страну.

Пакт о ненападении между СССР и Францией.

ПАРАД НА ПЛОЩАДИ

ХИТРЫЕ ТУЛЯКИ

КОГДА партийный съезд уже подходил к концу, были выслушаны все доклады и уже выступили все сто сорок ораторов, прошла перед съездом делегация московских колхозников. Автомобильщики завода имени Сталина принесли на съезд модель нового трехосного автомобиля. Получили слово на съезде и делегаты тульских металлистов. Про умелых туляков рассказывают, что они сто лет тому назад „ухитрились подковать английскую блоху".

— Вы, туляки, подковали блоху,— сказал им Ворошилов.— Выкуйте же оружие, которое обеспечит высокую боеспособность Красной армии.

На съезд туляки принесли винтовку „снайпер", из которой учатся стрелять лучшие наши ворошиловские стрелки. Они передали ее Сталину, и Сталин взял винтовку на прицел.

НАРКОМ НЕ ЗНАЕТ ПРОМАХОВ

Рядом со Сталиным сидел Ворошилов, верный его товарищ, вождь Красной армии и флота, смелый большевик. Смерть не раз была близка к нему. В одном бою в его бурке запуталась казацкая пика. Под Казанью белые полтора часа в упор обстреливали его броневик. Он шел в атаку на Кронштадт по льду, впереди атакующих красноармейцев.

Рука Ворошилова не знает промахов. В его присутствии один командир, стреляя из нагана, промазал семь раз подряд. Он жаловался, что ему дали плохой наган. Ворошилов из этого будто бы плохого нагана выстрелил семь раз, и все семь пуль попали в черное яблоко мишени.

Ворошилов не знает промахов, когда он бьет по врагам партии и советской власти.

В пятнадцатый день съезда Ворошилов провел перед делегатами сильнейшую армию в мире — верную защиту советских границ.

Климент Ефремович Ворошилов стреляет из нагана.

ВОЙСКА НА УЛИЦАХ

В пятнадцатый день съезда над Москвой висели снежные тучи. С утра уже не ходили трамваи. На улицах стояли толпы народа. Проход на Красную площадь был закрыт. С десяти часов площадь стали занимать войска. В строгом порядке становились на свои места пехотные части, военные школы, школы летчиков, войска ОГПУ и моряки. Но все части не уместились на площади. На улицах и в переулках, которые вели к Красной площади, стояли отряды Красной армии. В этот день автобусы и трамваи целиком уступили улицы танкам и артиллерии.

За всю Красную армию, за дальневосточных пограничников, за балтийских и черноморских моряков, за кавказскую конницу перед съездом выступали военные части Москвы.

Танки и артиллерия заняли улицу Горького. Большую Дмитровку заняла конница. Москвичи нарочно сворачивали на эти улицы, чтобы поближе смотреть на красноармейцев, пушки, танки и лошадей.

С одиннадцати часов на трибунах стали собираться делегаты.

От частей отделяются оркестры. Они собираются все вместе в один чудовищно огромный оркестр.

Все войска на площади уже выстроились. Командующий парадом Корк объезжает ряды.

С ДВЕНАДЦАТЫМ УДАРОМ

На кремлевской башне начинают бить часы. Вся площадь замирает. Не шелохнутся ряды войск. Прижав трубы к губам, молчит оркестр. Капельмейстер стоит с поднятой рукой. Затихли на трибунах делегаты и гости. Обернувшись к башне, они прислушиваются к бою часов.

Бьет последний, двенадцатый удар. Широко раскрываются кремлевские ворота. Из ворот на рыжем коне галопом выезжает Ворошилов. В эту секунду капельмейстер опускает палочку, весь оркестр начинает дуть в трубы. Войска кричат „ура“. Делегаты на трибунах машут платками и шапками.

Командующий парадом подъезжает к Ворошилову, держит обнаженную саблю перед собой и рапортует:

— Товарищ народный комиссар по военным и морским делам! В честь семнадцатого съезда Всесоюзной коммунистической партии большевиков войска московского гарнизона и вооруженные отряды пролетариата построены для парада.

Ворошилов принимает парад и вместе с командующим скачет по площади. Они объезжают войска. За ними прокатывается по рядам ни на секунду не смолкающее „ура“.

Они подъезжают к мавзолею и слезают с коней. Оба коня в мыльной пене. Два красноармейца, взяв коней под уздцы, бегом проводят их мимо трибун.

БУДЕМ БИТЬСЯ ДО ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ

Ворошилов всходит на трибуну и говорит. Его слышно во всех концах площади и на ближайших улицах, и в других советских городах, и за границей Союза. Он говорит перед микрофоном.

— Товарищи делегаты! Славные ленинцы! Мы, бойцы, командиры и политработники московского гарнизона, от имени всей Рабоче-Крестьянской Красной армии рапортуем вам.

Рабоче-Крестьянская Красная армия, ее бойцы, командиры и политработники, как один человек, готовы в любой момент встать на защиту социалистической родины.

Товарищи делегаты! Вместе с вами, вместе с рабочим классом и всеми трудящимися Красная армия, армия пролетариата, заявляет всему миру, что войны мы не хотим, но к войне готовы, и, если на нас нападут, Рабоче-Крестьянская Красная армия будет биться до полной победы, до полного уничтожения врага.

Только Ворошилов сказал последнее слово, как раздался орудийный грохот. Один за другим пятьдесят один залп сделала артиллерия в честь семнадцатого съезда. Грохочут выстрелы, войска поют „Интернационал“, гремят оркестры.

— Парад, смирно! — командует Корк. Командиры всех частей повторяют за ним команду. По команде все части в одну и ту же секунду поворачиваются направо. Начинается торжественный марш.

Народный комиссар обороны Климент Ефремович Ворошилов.

Пехотные части.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ МАРШ

Марш открывают командиры. Шеренга за шеренгой перед мавзолеем проходят несколько тысяч одних командиров. Это командиры, которые оставили свои батальоны и полки и учатся в военных академиях. Это будущие военные инженеры, военные химики, воздушные инженеры самой высокой квалификации, профессора военных наук.

За ними идут пехотные части. Идет Московская пролетарская дивизия с винтовками наперевес.

Среди бойцов есть такие, которые попадают за тысячу метров в смотровую щель танка, в бойницу окопа, в голову

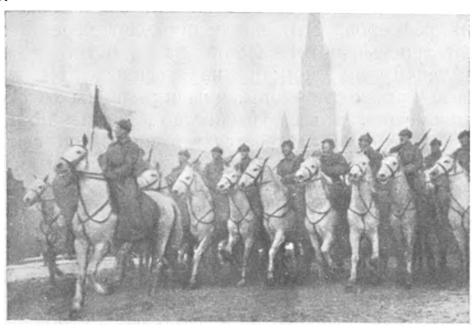
Идут красные командиры.

Краснофлотцы на параде.

наблюдателя. Мимо мавзолея перед партийным съездом шаг за шагом проходит красная пехота.

Перед трибуной проходят старики. Передняя шеренга — все длиннобородые, в кожаных куртках. Это старая гвардия рабочего класса. Это дружинники пресненских баррикад 1905 года, красногвардейцы, бравшие Кремль в 1917 году, и красные партизаны, которые били белых с тыла в сибирской тайге. Они не служат в Красной армии, но не забывают винтовки и военной учебы. В каждом районе у них свой красногвардейский штаб и свои батальоны. У них есть целые роты ворошиловских стрелков.

Под кавалерийский марш проходят красные конники.

На площадь вылетают отряды красной конницы. Их лошади подобраны масть в масть: взвод гнедых, взвод серых, взвод вороных... Они вооружены не только шашками и винтовками. Вслед мчатся их тачанки с пулеметами. Пулеметы — защита для конницы. Конница пойдет в атаку, пулеметы поддержат ее своим огнем. Если на конницу налетит штурмовой аэроплан, он попадет под обстрел пулеметов. Конница теперь не та, что раньше.

За конницей идет конная артиллерия. Орудия на резиновом ходу легко катятся за восьмеркой сильных лошадей.

КРЕПОСТИ НА ГУСЕНИЦАХ

Площадь пустеет. Из-за Исторического музея выплывает головной танк с красным знаменем на башне. Он открывает марш моторизованных частей.

На площади появляются танкетки. Маленькие, очень быстрые, они в несколько минут покрывают всю площадь. В каждой танкетке два человека. Удивляешься, как они там помещаются. Это бронированные жучки очень вертки и губительны для противника.

За танкетками пошли амфибии — земноводные. Из-за снега казалось, что они плывут по площади. На суше это грозный танк, не боящийся препятствий. Но вот они подходят к озеру или реке Кажется, будто этот бронированный дом останется на берегу или повернет обратно. Но танк смело идет в воду, превращается в бронированную лодку и мчится по воде, чтобы уничтожить врага.

За амфибиями пошли снова сухопутные танки все бо́льших и бо́льших размеров. Эти танки проходят через лес и без труда валят деревья, которые стоят на их пути.

Пошли танки типа „кристи" на гусеницах. На гусеницах танк „кристи" проходит окопы, ямы и рытвины со скоростью 60—70 километров в час. Но когда „кристи" попадает на хорошую дорогу, он „разувается": в несколько секунд снимает гусеницы и мчится на одних колесах по сто километров в час.

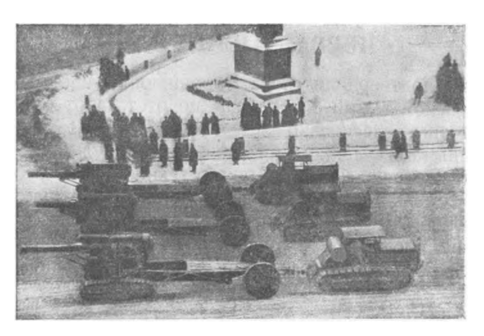
За танками „кристи" вышли такие чудовищные танки, что у зрителей дух захватило. По площади двинулись крепости на гусеницах — бронированные защитники второй пятилетки. Земля стонала, когда они проходили по площади, приветствуя партийный съезд. Капельмейстер махал палочкой, музыканты играли изо всех сил, но их не было слышно, пока, грохоча, не проехали танки.

ПЕРВАЯ АРМИЯ В МИРЕ

Танки подтвердили слова Ворошилова на съезде, что техника Красной армии ни на шаг не отстала от бурного роста всей страны. Несколько лет тому назад Красная армия не имела ни таких танков, ни новейших орудий и пулеметов. Тогда у нее еще не было такой техники, как у буржуазных армий. Теперь она может гордиться своей техникой и своим вооружением. Если разделить всю механическую силу Красной армии на число красноармейцев, на каждого красноармейца придется по семь с половиной лошадиных сил. Семь с поло-

Танки заняли всю площадь.

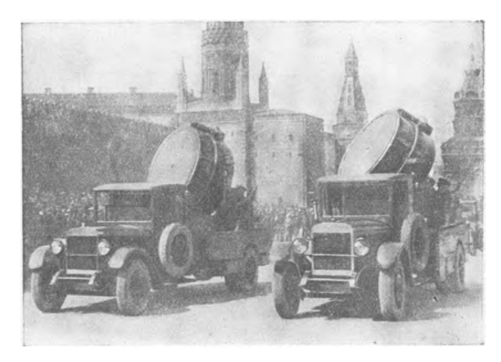
Артиллерийские орудия на механической тяге.

виной механических лошадей на каждого красноармейца — больше, чем во французской и американской, и даже больше, чем в английской, самой механизированной армии.

По площади пошла тяжелая артиллерия. Ее орудия раньше можно было передвигать только по железной дороге. Теперь громадные орудия шли за гусеничным трактором. В любом наступлении они поспеют за конницей и пехотой.

УШИ НА КОЛЕСАХ

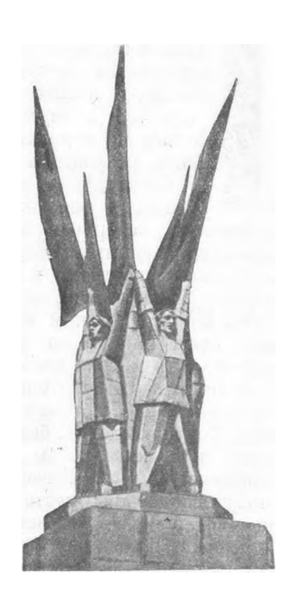
А вслед на трехосных ЗИСовских грузовиках проехала мотопехота. Такой пехоты раньше не было. Прошли звуко-

Прожекторный отряд на Красной площади.

уловители, совсем новые в военном деле машины: огромные уши на колесах. Они слышат звуки аэропланных моторов, когда человеческое ухо еще ничего не слышит. Они не только слышат, они указывают, в какой точке неба находится вражеский самолет. По указанию звукоуловителя, прожектор находит самолет длинным своим лучом, и в ту же минуту соединенное с прожектором зенитное орудие точно бьет в намеченную цель.

За прожекторами последним ушел соединенный оркестр. В первой шеренге шли все барабанщики с маленькими барабанами, во второй — все большие турецкие барабаны, за ними — кларнеты, за ними — гобои и в последней шеренге — самые большие серебряные и медные трубы. Закрывая парад, они играли в честь партийного съезда свой лучший боевой марш.

ПЯТАЯ РАЗВЕДКА

ЛЮДИ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

ЧЕТЫРЕ партии разведчиков — разведчики высоких гор, дальних дорог, подводных глубин и стратосферы — к началу партийного съезда были уже дома. На выставке наших достижений, которая открылась к этому времени, были показаны на моделях, фотографиях и картинах результаты их удачных походов.

Когда страна готовилась к партийному съезду, на разведку вышла пятая партия разведчиков — разведчики северных морей. На пароходе „Челюскин", под командой капитана Воронина с профессором Отто Юльевичем Шмидтом во главе, вышла в поход экспедиция для исследования Северного морского пути. Не на ледоколе, а на обычном, но укрепленном против льдов пароходе экспедиция должна была пройти из Ленинграда во Владивосток, чтобы изучить путь и доказать его проходимость.

Они дошли уже почти до Берингова пролива. До Тихого океана оставалось только 280 километров, когда льды взяли экспедицию в плен. Тридцать лет не бывало такого скопления льдов у Чукотского побережья. Льды окружали пароход со всех сторон, и впаянный в лед „Челюскин" двинулся вместе с ним. Начался полярный дрейф. Вместе со льдами „Челюскин" уходил от границ чистой воды. Лед шел по странному пути. На карте линия дрейфа „Челюскина" делает петли и сложные кривые линии.

Пошел пятый месяц ледяного плена. В Москве начался партийный съезд. Радист Кренкель принял по радио доклад Сталина. Через два дня после закрытия съезда вокруг „Челюскина" началось небывалое сжатие льдов. На „Челюскина" надвигался ледяной вал, кроша огромные многометровые льдины на своем пути. Льды перекатывались друг через друга, как волны на море. Вал вырос до восьми метров над морем.

Начальник экспедиции отдал приказ о всеобщем аврале. Спокойно и без паники люди стали на свои места, и началась работа. На лед выгружали одежду, продукты, палатки, спальные мешки.

Отто Юльевич Шмидт.

ХЛАДНОКРОВНЫЙ РАДИСТ

Лед наступал. Железные листы, обшивавшие корпус „Челюскина", разорвались по шву. Левый борт парохода был оторван от носа до кормы. Вода хлынула в машинное отделение. Выгрузка продолжалась. Радист Кренкель сидел с телефоном на ушах. Радист Иванюк начал выносить заранее приготовленную аппаратуру. Кренкелю нужно было одеться. Он не хотел порывать связь с берегом. На полминуты пришлось снять телефон. Иванюк держал фуфайку наготове. Кренкель нырнул в нее рыбкой и снова надел наушники.

Вошел Шмидт, сел за стол, неторопливо выбрал карандаш и спокойно стал писать радиограмму.

„Сильная течь. Пытаемся пустить спасательные помпы. Приступили к выгрузке на лед".

Кренкель попросил Шмидта предупредить его за несколько минут до того, как корабль потонет, чтобы успеть вынести те радиоаппараты, по которым он сейчас говорит с землей.

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ

Нос парохода стал погружаться. На корме продолжалась работа. Стало заливать верхнюю палубу. На пароходе осталось пятнадцать человек.

Шмидт остался на корабле. Он раздельно и спокойно командовал: „Сходите, сходите, довольно задерживаться". Нос „Челюскина" уже опустился в воду. Корма поднялась. Оглядев корабль, Отто Юльевич последним спрыгнул на лед.

Передняя часть корабля была вся в воде. Корма поднялась высоко вверх. Показалось огромное днище корабля. Густые клубы дыма и угольная пыль поднялись над кораблем. „Челюскин" сверкнул огнями и утонул.

Радист Кренкель

На льду, в пурге, сделали перекличку. Нехватало только одного — завхоза, комсомольца Могилевича. Он был придавлен катящимися бочками на корме и утонул с кораблем.

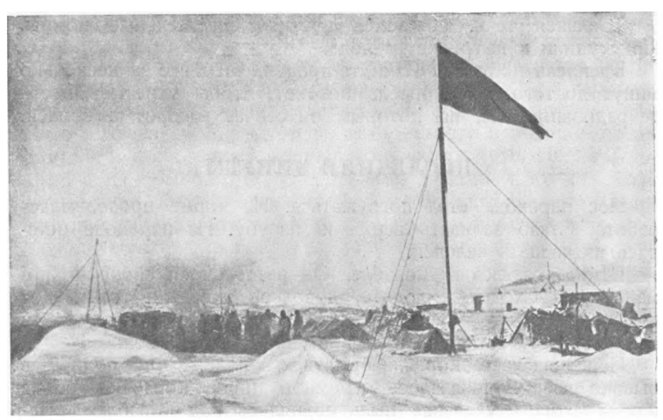
ЛЕДОВЫЕ РОБИНЗОНЫ

Ледовые Робинзоны остались на льдине. Центральный комитет партии и правительство снаряжали на помощь челюскинцам самолеты и корабли. А пока челюскинцы жили на льдине, как на куске советской земли. Они много работали, учились, делали научные наблюдения под руководством своего ледового комиссара, Отто Юльевича Шмидта. Они расчистили площадку для аэродрома, перетащили туда полуразбитый, перевязанный веревками, но все же могущий летать самолет Бабушкина. На палатки челюскинцы настлали фанерные крыши. Из фотопластинок сделали окна. Получились почти дома.

Над лагерем развевался красный флаг. Его было видно за 30 километров.

СТРАНА ИДЕТ НА ПОМОЩЬ

Советская страна шла на помощь. С Камчатки к челюскинцам двинулся с двумя самолетами пароход „Сталинград“. Из

Лагерь Шмидта.

Владивостока с семью самолетами и двумя дирижаблями на борту вышел другой пароход — „Смоленск".

Но к самому лагерю сквозь мощные льды мог пробиться только сильный ледокол. На другом краю материка, в Ленинградском порту, стали срочно ремонтировать краснознаменный ледокол „Красин". Чтобы добраться до челюскинцев, ему предстояло обогнуть половину земного шара, переплыть два моря и два океана.

В это время семь советских летчиков из разных точек Союза и из Америки, несмотря на пургу и туманы, летели к лагерю Шмидта. Знаменитые полярники Свердруп и Ларсен считали, что спасти челюскинцев может только ледокол. В изменчивую северную погоду самолетам лететь почти невозможно. Если они и полетят, то как им сесть на маленькой площадке, окруженной торосами? Посадка на такую площадку — верная гибель для летчика и для самолета. Единственное, что могут сделать самолеты, — спустить в лагерь продовольствие, аккумуляторы для радио, письма. О том, чтобы вывезти из лагеря людей, и думать нечего.

Летчик Ляпидевский.

САМОЛЕТ НАД ЛАГЕРЕМ

В районе лагеря была пурга. Комсомолец летчик Ляпидевский, дождавшись первого ясного дня, решил вылететь с мыса Уэлен в лагерь.

Был жестокий мороз. В очках лететь было нельзя — запотевали стекла. Пришлось лететь в маске оленьего меха.

Вылетел, взял направление. Найти лагерь было нелегко. Лед движется. Из трещин поднимаются испарения. Несколько раз Ляпидевскому казалось, что он нашел лагерь.

Наконец, он увидел дым на горизонте. Летчик точно сел на маленький ледяной аэродром и вывез всех женщин и двух детей. На следующий день лед под бараком, в котором они жили, треснул, и барак разломило на две части.

Ляпидевский показал, что невозможное возможно. Летчики напрягли все силы, чтобы поскорей прилететь в Ванкарем. Ледяной аэродром, на который опустился Ляпидевский, сломало сжатием льдов. Челюскинцы расчищали новую площадку

ЛЕТЧИКИ РВУТСЯ В ВАНКАРЕМ

Погода задерживала летчиков. Летчики рвались в Ванкарем. Погода заставляла их сидеть в селениях Камчатки и Анадыря.

Летчик Леваневский ждал летной погоды в самом северном

Летчик Леваневский.

городке Аляски, в Номе. Ванкарем по радио сообщил, что можно лететь. Леваневский вылетел из Нома с уполномоченным правительства полярником Ушаковым и бортмехаником-американцем.

Летчик Водопьянов.

По дороге перед ними встала стена тумана. Он прижал самолет к земле. Под самолетом — острые высокие скалы. Леваневский пошел вверх, чтобы пролететь над туманом. Он уже на высоте 2500 метров, а туману нет конца. Самолет обледенел. Он стал тяжелым, его тянет к земле. Самолет падает. Страшным усилием Леваневский заставил его подчиниться. Внизу скалы — сесть нельзя. Летчик изо всех неудобных для посадки мест выбрал лучшее и сел. Машина повреждена: сломаны лыжи, погнут пропеллер. Леваневский в крови. Но все живы — только потому, что Леваневский не потерял самообладания и мужества.

Летчик Слепнев.

Летят из Хабаровска Водопьянов и Доронин. С мыса Олюторского летят Каманин, Молоков. Летит с Аляски Слепнев. Казалось, что все туманы и вьюги севера сговорились, чтобы помешать летчикам долететь до Ванкарема. В Каменском самолеты Доронина и Водопьянова откапывали из полутораметрового снега.

У НАЧАЛЬНИКА 39,5°

Седьмого апреля Слепнев, Каманин и Молоков прилетели в Ванкарем и сразу же вылетели в лагерь Шмидта. Из лагеря Шмидта по заранее заготовленному списку стали отправлять людей на самолетах. Сначала отправляли больных. Четверо больных поместились в самолетах Молокова и Каманина. Но один больной остался в лагере. Он решил лететь последним. Это был начальник лагеря Шмидт. Температура у него была 39,5°. Он был болен не то плевритом, не то воспалением легких. Он запретил радисту Кренкелю передавать это на землю. Он считал своим долгом остаться до конца. Но Ушаков известил об этом правительство. Шмидт получил приказание сдать дела своему заместителю Боброву и вылететь вне очереди.

Летчик Доронин.

ЧЕЛЮСКИНЦЫ В БАГАЖЕ

Челюскинцы летали так, как еще никогда никто не летал. Неизвестно было, какую неожиданность может принести погода. Времени было мало, челюскинцев много. Летчик Молоков летал на самолете „Р-5“. Это небольшой самолет; его кабина может вместить только одного-двух пассажиров. Мо-

локов решил перевозить челюскинцев под крыльями самолета, подвязывая их вместо груза.

Под крыльями самолета находились парашютные ящики. Человек помещался там лежа.

— В ящике, — рассказывал Молоков, — сделали маленькое окошечко, чтобы человек смотрел и не скучал.

Это было очень опасно и для летчика и для пассажиров, но Молоков прекрасно справился с этими полетами, хотя летал с таким грузом в первый раз в своей жизни.

Во всех городах Советского союза люди толпились у витрин с известиями о челюскинцах. Спасено три человека, еще пять, двадцать два. За семь рейсов перевезено тридцать пять человек. Весь Союз с волнением следил за каждым полетом. За эти дни челюскинцы и летчики стали близкими людьми для каждого рабочего, колхозника, красноармейца, для каждого школьника в Советском союзе.

Летчик Каманин.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Наконец, в лагере осталось шесть человек: капитан Воронин, радисты Кренкель и Иванюк, боцман Загорский, моторист Погосов и начальник лагеря Бобров. Они провели в лагере последнюю ночь. Недавно еще в лагере было шумно; теперь кругом пустынно. Стоят пустые палатки. Нет дыма из труб.

На юге появились облака, и ветер, замирая, переходил в штиль. Это был плохой признак. После штиля меняется ветер, и на лагерь могут снова пойти ледяные валы. Под утро лед стал потрескивать. В 3 часа 45 минут Бобров разбудил Кренкеля. Лагерь связался с Ванкаремом. Погода ухудшалась.

Ванкарем сообщил: машины заправляются; в 7 часов вылетают Водопьянов и еще два самолета.

В лагере зажгли костер, а самолета нет. Нет и нет. И никаких сведений из Ванкарема. Наконец, Ванкарем сообщил: Водопьянов вернулся; он сбился с пути и снова вылетает в лагерь.

Капитан Воронин первым увидел самолеты. Водопьянов низко пролетел над лагерем, приветствуя челюскинцев. Самолеты сели. Кренкель простучал по радио: „Всем, всем, всем. Станция прекращает работу". Он срезал провода. В самолеты погрузили передатчики, собак, последний багаж.

На льдине, по обычаю полярников, оставили продовольствие, заколотили палатку. На высокой мачте развевался красный флаг. Последние челюскинцы на трех самолетах покинули льдину.

Летчик Молоков.

СТРАНА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Советская страна победила морозы и льды Северного полярного моря. Но разве это ее первая победа? Ее победы начались тогда, когда четырнадцать капиталистических государств напали на нее со всех сторон и она, голодная, в тифу, отбивалась и отбрасывала врагов на всех фронтах.

Наша страна продолжала побеждать, когда на разоренной земле строила невиданные фабрики и заводы. Страна побеждала, когда прокладывала новые каналы, боролась с кулаком, завоевывала стратосферу, обучала грамоте миллионы людей.

Страна побеждала потому, что ею руководила коммунистическая партия, которую вел лучший большевик — Сталин.

И когда в 1934 году, после постройки Беломорского канала, Днепростроя, Уралмаша и тысячи других заводов и фабрик, после ликвидации кулачества как класса, после взятия пика Сталина, поднятия „Садко", каракумского пробега и подъема в стратосферу, собрался семнадцатый съезд большевиков, его назвали съездом победителей.

Цветами встречали челюскинцев на всех станциях от Владивостока до Москвы. Это сибирские школьники.

МОСКВА В ЦВЕТАХ

Не прошло и нескольких месяцев после съезда, как Москва снова вышла на улицы приветствовать новую победу партии. К Москве в сибирском экспрессе, с лучшим в Союзе машинистом Томке на паровозе, мчались челюскинцы сквозь цветы и горячие речи, которыми их встречали днем и ночью на каждой станции, где останавливался экспресс.

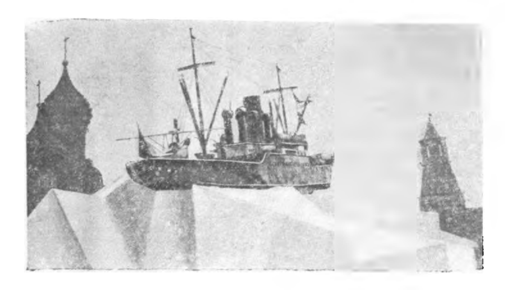
Цветами и огромными плакатами их встретила Москва. На автомобилях, обвешанных гирляндами цветов, ехали челюскинцы и летчики по Москве и неожиданно встречали себя самих на огромных портретах, поднятых над улицей. „Челюскин" — однотрубный пароход — двигался перед ними. Это был „Челюскин" из цветов. Другой „Челюскин", во льдах, из фанеры и холста, ждал их на Красной площади.

Миллионы москвичей встречали их на пути. Парад Красной армии прошел мимо них на Красной площади, а когда кончился парад и на площадь влились первые ряды демонстрации, на небе появились самолеты.

— Товарищи, — сказал Ляпидевский, — садитесь на самолеты, штурмуйте небо! Будьте готовы к защите нашего советского государства!

Сотни самолетов закрыли небо над Красной площадью. На каждом из них Ляпидевский видел своих товарищей, так же, как и он, готовых к защите страны.

Пролетели истребители и бомбовозы. С двумя летящими спутниками по бокам вылетел приветствовать победителей летающий великан „Максим Горький". Тысячи летучек полетели с самолета. На них было написано, что впереди еще борьба и новые великие победы.

„Челюскин" на Красной площади.

СОДЕРЖАНИЕ

Замечательный год — 3
Рапорт великанов — 13
Славный забойщик — 29
Речь огородника — 38
Командир полей — 44
Колхозный парад — 50
Новая география — 56
В стране будущего — 64
Готовится штурм — 84
Война и мир — 92
Парад на площади — 98
Пятая разведка — 108

ЦЕНА 5 РУБ. 25 КОП.